

图. 3. 茨瓦内茨城堡.

ДВОАДНАДЕСЯТ САНЖОКОВИ
 АРХИТЕКТУРИ XIV-XVI ВЕКОВИ
 ВО СРЕДНОБЕЖАНИИ
 СЕРБИИ.

В в е д е н и е

В современной цивилизации, где время все больше ускоряет темп жизни, есть романтические места абсолютной стабильности и спокойствия. Старинные замки и крепости представляют древнее наследие наших предков. Созданные из монолитного камня лучшими мастерами и архитекторами того времени, они были призваны защищать, служить островом незыблемости и мощи в океане непрекращающихся распрей и войн. Камень впитал в себя силу и доблесть воинов-защитников. Их боевой дух и поныне витает в воздухе. Замки и крепости овеяны старинными легендами и сказаниями, что создает вокруг них атмосферу романтики и приключений.

Крепости, крепостные замки, замки-дворцы! Множество этих великолепных архитектурных творений являются немymi свидетелями и носителями нашей истории, культуры, прошлого, боев и сражений, а также всего нашего развития. Сегодня в Центральной Европе насчитывается около четырех тысяч сохранившихся оборонных строений с «замковой судьбой», большинство из них вместе с окружающими их садами и парками охраняются как памятники архитектуры. Исторические бури минувших веков, военные сражения мировых и локальных войн и последующие десятилетия забвения не слишком великодушно обошлись с этими благородными творениями. Лишь изменения в сознании происшедшие в последние годы привели к тому, что были начаты реконструкция, восстановление в качестве исторических памятников для будущих поколений этих ценных, достойных заботы и охраны крепостей, замков, дворцов.

Цель исследования, у автора работы, состояла в определении на основе анализа функциональных, региональных и объемно-планировочных особенностей, основных этапов развития центральноевропейского замкостроения и создание его типологии на основе бытовавших в то время различных объёмно-пространственных решений. Подобная классификация предполагает, вполне естественно, исторический и культурный контекст европейского средневековья и Возрождения.

Центральноевропейское оборонное замковое зодчество конца XIV-начала XVII вв. не получило до настоящего времени достойного, его значению в истории архитектуры, отражения. При обилии фактологического материала общая картина формирования этого вида зодчества страдает очевидными пробелами. Помимо этого и сам материал во многих случаях чреват серьезными ошибками, в первую очередь атрибутивного свойства. Этими обстоятельствами и интересом к этому, явно недостаточно изученному, виду человеческого творчества было продиктовано желание автора провести исследование проблематики вопроса.

В качестве источников, автором, были использованы все основные отечественные и зарубежные публикации, в том числе и косвенно касающиеся строительства укрепленных замков (фотографии, рисунки и планы замков). Большинство объектов на территории современной Центральной Европы был изучен непосредственно с проведением натурных съемок и необходимых обмеров. В ходе проводимых исследований удалось установить, что, несмотря на общепринятые законы архитектуры не возможно встретить два похожих замка, за исключением тех шедевров, которые копировали и строили уже по существующим проектам. Каждый замок обладает собственной архитектурной особенностью. Представленная работа автора, возможно, позволит читателям и исследователям европейской истории архитектуры Средних веков и Возрождения лучше понять этот сложный и драматичный период европейской истории.

Глава 1. Развитие крепостного зодчества с VIII т. до н.э.—X век.

Крепостное зодчество уходит своими корнями в глубокую древность, когда на основе природно-климатических, ландшафтных, строительных традиций с соответствующим уровнем развития военной техники и строительного мастерства возникали самостоятельные типы или основные формы. Они выполняли определенные жилищные и оборонные функции, то есть соответствовали их реальной оборонной цели, с которой отдельная личность, социальная группа или даже государство ставило это укрепленное сооружение, связанное как правило с большими трудозатратами. Отсюда следует, что крепость — это сооружение специального назначения с наиболее удобным в плане безопасности и защиты местоположением.

Крепости различного вида существуют с тех пор, как люди были вынуждены защищать себя и свое имущество от нападений, или с тех пор, как отдельные личности или социальные группы господствуют над другими.

Первые очаги крепостного строительства можно обнаружить уже в VIII т. до н.э. в Иерихоне, где была воздвигнута круглая башня с толстыми стенами — резиденция правителя и наружные городские укрепления, представленные защитными стенами. Другим примером очень древних оборонительных конструкций является поселение в Читтал-Хьюге (современная Турция). Оно датируется примерно VI т. до н.э. Оба объекта в Иерихоне и Читтал-Хьюге являются наиболее древними среди обнаруженных укрепленных жилищ человека. Можно предположить, что они являются предшественниками всех более поздних оборонных сооружений.

Последующими укрепленными жилищами считаются Нураги на острове Сардиния — каменные постройки в виде ульев, с так называемыми фальшивыми сводами. Эти постройки служили жилыми помещениями и в небезопасные времена могли укрыть от 100 до 150 человек. Сейчас известно около 4500 таких, в большинстве двухэтажных башен из камня, возраст которых

*Нурага близ Нуоро
(Сардиния).*

восходит к каменному веку периода энеолита. Похожие постройки (только более примитивные) — так называемые «сторожевые башни» — находятся на Болеарских островах. Дальнейшее развитие Nuraghen прослеживается на Мальте.

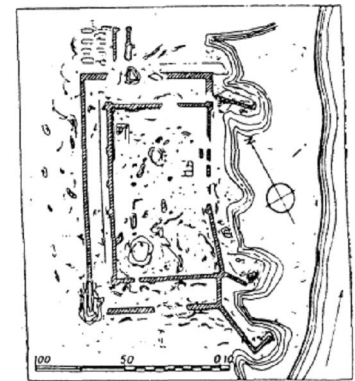
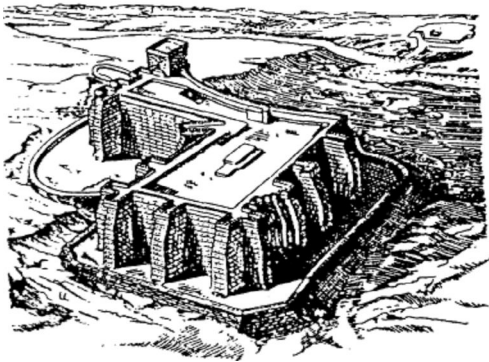
Трулли в Апулии, которые в Альберобелло и сегодня являются жилыми, могут быть близкими к Nuraghen¹. Дальнейшее развитие укрепленные жилища получили в крепостях Египта, периода Древнего царства. В этот период необходимо указать на появление различных оборонных форм в плане (круг, овал или прямоугольник). Крепостные стены в ряде случаев имели круглые башни в форме усеченного конуса с площадкой наверху и бруствером. Так, крепость около Абидоса возвели в форме прямоугольника примерно в 2500 г. до н.э.; длина ее сторон достигает 125 x 68 м, а высота стен — 7-11 м. У крепости был один главный и два дополнительных входа.

В период Среднего царства фараоны XII династии уделяли чрезвычайно большое внимание крепостному строительству. Вторжение «азиатов» в Дельту на рубеже между Древним и Средним царством заставило Аменемхета I укрепить «царскую стену» на Суэцком перешейке. Еще большее внимание уделялось укреплению границ на юге, в Нубии, в области вторых порогов. Здесь было сооружено не менее семи больших укреплений, идущих в три линии, контролируя течение Нила между первым и вторым порогом. Так крепости в Семнэ и Куммэ были уже сложными оборонительными сооружениями, имевшими выступы, стены и башню. Наиболее изучена в настоящее время крепость Семнэ, которая расположена на правом берегу Нила, на высоком выступе горной цепи. Обрывы естественной скалы использованы в качестве далеко выступающих бастионов. Все постройки крепости, как и ее наружная стена, выложены из кирпича-сырца. С целью усиления обороны стенам придан ломаный профиль, что мешало нападению с помощью приставных лестниц. Верхний край стены по ее наружному периметру обнесен зубчатым парапетом для лучшего обстрела нападавших, имелся ров, затруднявший подход к стене. Крепостные ворота были защищены башнями. Для вылазок устраивались небольшие выходы. Большое внимание уделялось снабжению гарнизона крепости водой, устраивались колодцы или скрытые выходы к реке.

Защита приграничных территорий и страх перед внезапными вторжениями врага способствовали быстрому развитию крепостного строительства от простой башни в Абидосе до сложных и продуманных систем укреплений с использованием рельефа, а также применения нового в системе защиты — зубчатый парапет, башни, наружный ров.

Из сохранившихся остатков древнеегипетских крепостей этого периода наиболее характерной является крепость в Миргиссе, построенная в форме прямоугольника. Это сооружение имело внутреннюю стену высотой в 10 м. с выступающими башнями, расположенными на расстоянии 30 м. одна от другой на противоположном от реки фасае, и ров шириной в 8 м. В 25 м. от внутренней была построена внешняя стена, которая охватывала крепость с трех сторон. С четвертой стороны скала круто обрывалась вниз и защищалась рекой. Внешняя стена была дополнительно укреплена рвом шириной 36 м. Кроме того, на скалистых выступах были построены вынесенные вперед стенки, примыкающие к

углам крепости и позволяющие фланкировать подступы со стороны реки. Две другие стенки защищали главный вход в крепость. Крепость в Миргиссе являлась уже сложным

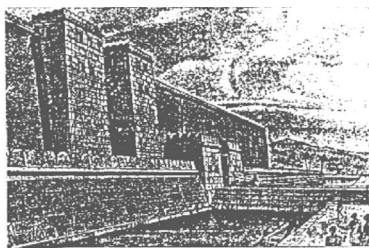

Египетская крепость в Семнэ (реконструкция).

План египетской крепости в Семнэ.

План египетской крепости в Миргиссе.

оборонительным сооружением, в основу которого было положено требование фланкирования подступов. Это было шагом вперед в развитии фортификации. Немало этому способствовало и выработка навыков, применявшихся при возведении оборонительных сооружений – системы укреплений или отдельной крепости, которые были восприняты и другими народами в более поздние времена. Принцип фланкирования входа получил свое дальнейшее развитие в эпоху Нового царства при фараоне Рамзесе III, создавшим ансамбль в современном Мединет-Хабу. В этой постройке, получившей законченный крепостной характер, были объединены храм и дворец. Наибольшее внимание в ней заслуживает совершенно новое для Древнего Египта решение главного входа в стене, окружавшей весь участок дворцово-храмового ансамбля. Он был фланкирован уже двумя башнями, располагавшимися по обеим сторонам от входа. Эта конструкция, только, меньшего размера повторялась снаружи, создавая своеобразный стеной чехол.

Подобное нововведение в системе фортификации значительно усилило обороноспособность крепостного объекта, вместо прежних выступавших наружу защитных стен, как в Миргиссе.

Помимо развития крепостного искусства в Древнем Египте, оно получило активное развитие и в Северной Месопотамии — в Ассирии, особенно когда она выступала в качестве мощной самостоятельной державы (около 1400-1130 и 885-612 гг. до н.э.). С XIV в. до н.э., в периоды первого и второго возвышения Ассирии, вся ее

Мединет-Хабу.

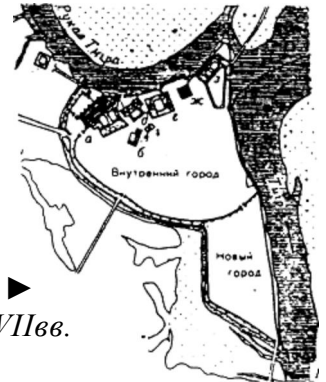
жизнь, государственное устройство целиком подчинялись военным задачам. Все строительство в Ассирии было государственным, «царским» делом. Ведя активную военную политику, Ассирия воздвигала много оборонных сооружений. Устройство и планировка сохранившихся стен Ашура и

Ниневии указывают на высокую технику крепостного строительства. Так с севера и востока Ниневия была укреплена защитными рвами.

До н. э.

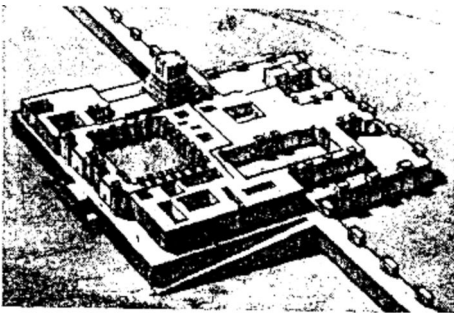
◀ Ашур. (Асур).

План Ашура между IX и VII вв. ▶

Городские стены располагались двумя рядами и были снабжены зубцами. Планировка городов строилась в зависимости от рельефа и системы орошения местности. Городские стены имели ворота, дополнительно укрепленные башнями.

Вновь создаваемые города, служили постоянными или сезонными резиденциями царей, как Калах и Дур-Шаррукин. Они строились по единому плану, отличаясь четким квадратным планом с прямолинейным расположением улиц. Города были окружены массивными стенами, о размерах которых дает представление стена Дур-Шаррукина, имевшая 23 м. толщины и примерно столько же в высоту. Дур-Шаррукин был построен в 711-707 гг. до н.э. по заранее задуманному плану, как резиденция царя Саргона. В основе планировки дворца лежало стремление создать

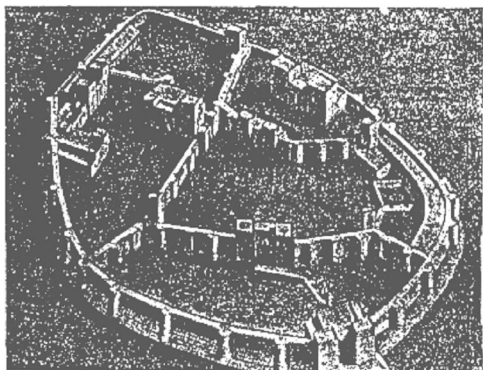
Дворец Саргона – II в Дур-Шаррукине. 722-705 гг. до н. э. Реконструкция.

возможность обороны даже в отдельных помещениях на случай захвата врагом части его объектов. В результате были созданы внутри объекта отдельные оборонеспособные, независимые части. Для придания большей мощности всему комплексу была создана чрезвычайная массивность стен, что фактически исключало разрушение стен извне с помощью осадных приспособлений. Все вышперечисленное позволяло обороняться как от внешних нападений, так и на случай мятежа слуг, когда можно было спастись в отдельно взятой укрепленной части крепости. Подобное дробление объектов внутри крепости по принципу «крепость в крепости» было новым в развитии фортификационной мысли древности; подобная расчлененная планировка значительно повышала возможности защиты оборонявшихся.

приспособлений. Все вышперечисленное позволяло обороняться как от внешних нападений, так и на случай мятежа слуг, когда можно было спастись в отдельно взятой укрепленной части крепости. Подобное дробление объектов внутри крепости по принципу «крепость в крепости» было новым в развитии фортификационной мысли древности; подобная расчлененная планировка значительно повышала возможности защиты оборонявшихся.

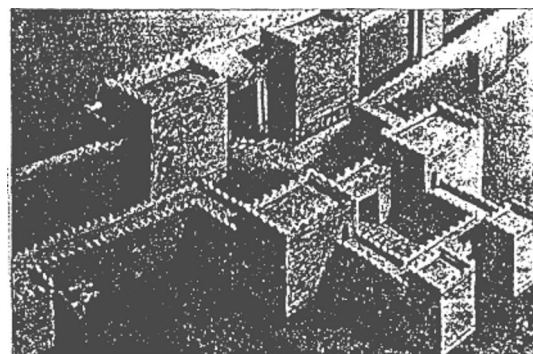
Примерно в этот же период времени в ряде городов Северной Сирии, где образовалось несколько небольших сиро-хеттских государств, возникают аналогичные крепостные объекты с внутренним дроблением их на отдельные защитные части. Они сменяли друг друга по мере продвижения штурмующих вглубь города к резиденции правителя, представлявшее из себя дополнительное укрепление и являвшееся последней надеждой осажденных. Подобное создание системы поэтапных препятствий и обособленной укрепленной резиденции правителя, в результате делало штурм крайне затруднительным и зачастую обреченным на неудачу. Взять подобное укрепление можно было в результате продолжительной осады, измотав силы защитников или с помощью измены. Немало способствовал защите и сложный ландшафт, на котором возводились укрепления. Стены возводимого сооружения для большей неприступности укреплялись квадратными в плане башнями. Подобные фортификационные объекты не встречаются в Египте и в Двуречье, отличаясь неправильной овальной формой, приспособленной к рельефу гористой местности. Все ворота фланкировались циклопическими прямоугольными башнями для придания большей неуязвимости им на случай осады.

Ярким примером подобного фортификационного строительства может служить город Самаль в Северной Сирии, строившийся в промежутке между XII - VIII вв. до н.э. Его реконструкцию провели после пожара, полностью уничтожившего город. К XII веку относятся внешняя и внутренняя стены. Кольцевая стена была создана в период X-VIII вв. до н.э. В конце VIII века была создана цитадель на вершине холма и обнесена стеной в форме неправильного овала. Город был разделен на несколько отдельных участков внутренними стенами, с массивными воротами на южной стороне, представлявшими

Город Самаль
(совр. Сандширли)
XII-VIII вв. до н. э.

Южные ворота.

тройную линию укреплений. Эта конструкция позже ляжет в основу будущего средневекового барбакана. Позже преемником Ассирии становится Новый Вавилон, которому при царе Навуходоносоре II подчинялась вся Месопотамия. Столица была с огромным размахом обустроена и превращена в мощную крепость. Навуходоносор создал две новые стены, в результате этого город оказался окруженным тройной оградой стен. Они имели в целом до 30 м толщины, на каждые 20 м их протяженности стояла башня. Снаружи конструкция стен дополнительно защищалась рвом. Длина стен достигала 18 км, охватывая территорию в виде скошенного прямоугольника. Своими размерами подобная городская крепость намного превосходила все

предыдущие. Особенность ассиро-вавилонской архитектуры заключалась в монументальности, представленной объемной массой. Это представление усиливалось созданием террас-платформ как своеобразного фундамента-пьедестала. Подобная конструкция не встречалась ранее в египетских памятниках. Стены построек завершались зубчатым, ступенчатым парапетом. Схема городов в военных деспотиях Ассирии и Вавилона носила черты организованного военного лагеря, окруженного жилыми кварталами со свободной планировкой. Вавилон же был четко вписан в прямоугольник с правильной сеткой основных улиц.

Анализируя крепостное строительство Южной Европы, необходимо учесть, что о значительных оборонных сооружениях Ахейского времени известно уже из литературных классических произведений древности.

Большую славу имеют укрепления Трои, Микен и Тиринфа. Гомер образно описывает в «Илиаде» борьбу крепости и города Трои как готовый к обороне корабельный лагерь греков. Микены и Тиринф принадлежат к значительнейшим оборонным сооружениям Эгейской культурной эпохи, оба являются укреплениями с мощными кольцевыми стенами из огромных каменных плит, которые следовали естественному движению возвышенностей, над которыми они возвышались. В то время как строительные укрепления Востока служили преимущественно для пассивной обороны, новым в Микенах и Тиринфе было то, что они активно защищали жителей не на жизнь, а на смерть. Они были построены (как показали раскопки) в 14 в. до н.э. В более позднее время в Тиринфе появилась большая круглая башня, которая служила укрепленным местом жительства властителя. Как круглая башня, так и каменное строительство — специфические черты средиземноморского зодчества. Постройка (которая позже стала известна как храм Афинского Акрополя) была в середине 2 т. до н.э. укрепленным сооружением из громадных каменных стен, которые были разрушены в 1150 г. до н.э., вследствие дорической иммиграции. Эти микенские господские укрепления, может быть, произошли, как и другие, вследствие развития старых народных крепостей.

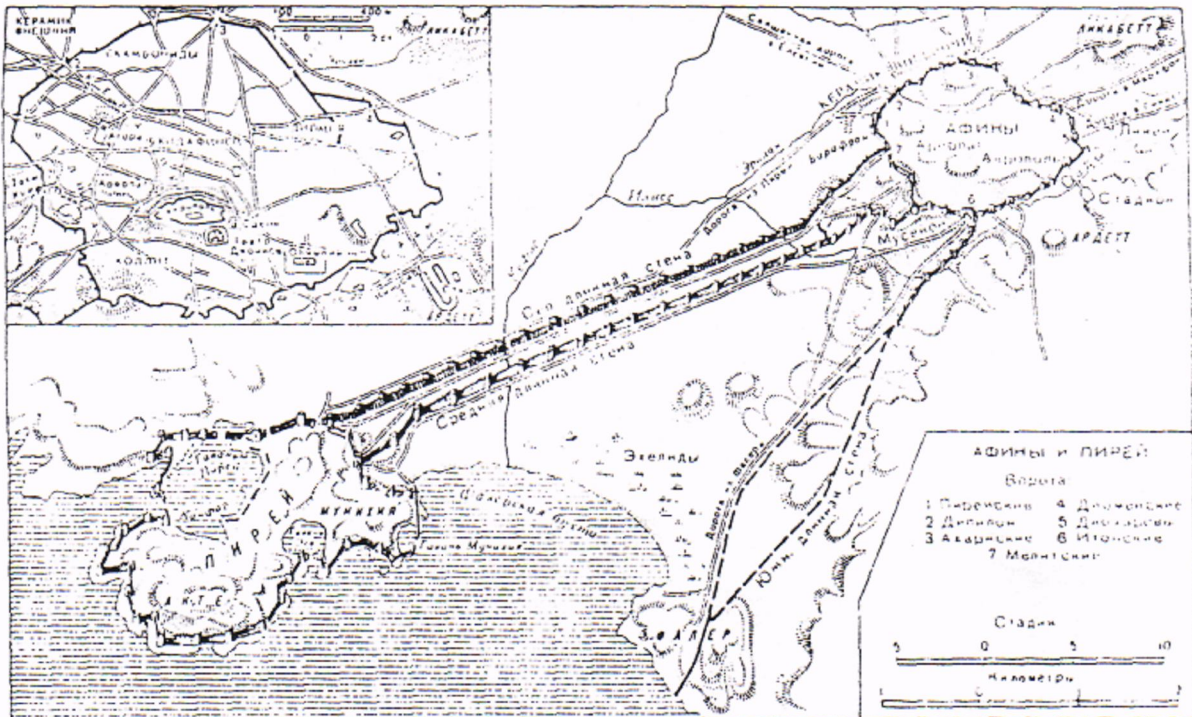
В течение 2-1 т. до н.э. возникли прекрасные культуры Средиземноморья и Ближнего Востока, в которых строительство укрепленных городов и дворцов отразило высокий экономический и социальный уровень жизни. Анализируя весь до античный период, начиная с периода энеолита, можно проследить планомерное развитие крепостного строительства, вызванного внешними и внутренними причинами; от примитивных башен Nuraghen энеолита, до сложных оборонных комплексов египетского Среднего и Нового царства, Месопотамии. В этот период крепости приобретают четкую симметричную планировку или асимметричную, как у Хеттов с использованием рельефа, стены укрепляются башнями и внешними препятствиями в виде рвов; широкое применение, начиная уже с Нового царства, получает башенная фланкировка входа в крепость. Все это делало крепости крайне труднодоступными и было взято на вооружение в последующий античный период истории фортификационного строительства.

В греческое время крепостные строения по-прежнему играют громадную роль; придается большое значение оборонным и сигнальным башням. Необходимо отметить и тот факт, что при демократии крепость в конце концов начинает уступать полису, городу, которому через систему укреплений необходимо было показать свое могущество и обезопасить себя на

случай осады. Борьба за гегемонию в Греции этому немало способствовала, особенно в период Пелопонесской войны между Спартой и Афинами (431-404 гг. до н.э.). Афины представляли собой одну из сильнейших крепостей того времени: они были обнесены мощной высокой стеной и соединены длинными (7 км) стенами с гаванью Пирей; общее протяжение стены в окружности достигало 26 км. Без солидной осадной техники овладеть такой крепостью было практически невозможно, тем более что их охраняла шестнадцатитысячная армия афинян¹ и военно-морской флот. Изучая систему афинских укреплений, необходимо отметить тот факт, что здесь впервые был применен фактор защищенности на всем пути следования от военно-морской и торговой гавани в Пирее до самых Афин. Это указывает на военно-стратегическое и торговое значение этой гавани и безопасному проходу от нее до городских укреплений Афин; в результате чего и была создана подобная непрерывность линии защитных стен,

образовавших одно целое города и его гавани. Говоря об укреплениях греческих городов необходимо указать следующее: оборонительные стены, прежде окружавшие лишь

Афины и Пирей.

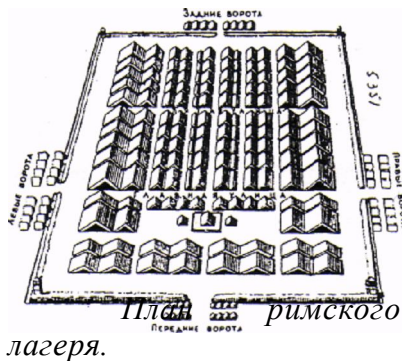

укрепленный кремль, или акрополь, сооружались с начала V в. до н.э. вокруг многих греческих городов. Линия этих укреплений устанавливалась с учетом рельефа местности: по гребням холмов, по краям оврагов, иначе говоря — там, где естественные условия повышали их оборонительные возможности. Поэтому случалось, что кольцо городских стен было мало связано с

контурами городской застройки и охватывало излишнее пространство стены Акраганта, построенного в условиях горного рельефа, включали, например, лишние 500 га; небольшие города Этолии и Акарнании опоясаны стенами в 10 км длиной. Наоборот, стены городов, расположенных на равнинах, приближались в плане к правильной форме, к окружности или к квадрату (Мегалополь). Характерно, что одновременно с возведением городских стен — стены акрополей теряют былое значение. Оборонительные стены обычно возводились на каменных фундаментах из сырцового кирпича и укреплялись башнями, круглой или прямоугольной формы в плане. Позже стены стали целиком выполняться из камня (стены, соединявшие в сер. V в. до н.э. Афины с Пиреем). Интересным элементом крепостных сооружений являются ворота, часто фланкируемые башнями и, что главное, снабженные шлюзами. Импульсом к развитию оборонной мощи городских стен послужили греко-персидские войны и разрушение Афин. В результате проведенной реконструкции возникают новые, более мощные укрепления. Если в Южной Европе крепостное строительство шло полным ходом, то на территории Северной Европы царили еще патриархальные отношения, которые позволяют рассмотреть интересные различия в данной теме исследования. Здесь были еще народные крепости, а не господские, не говоря уже о городах, которые встречаются, начиная с каменного века по железный век. Просторные, беспорядочные по территории народные крепости служили для племени либо укрепленным населенным пунктом, либо прибежищем в тяжелые времена. В основе их обороны лежала удобно выбранная территория (вершина горы, болото, выступ скалы) и простая или сложная система валов и рвов. В Иберии и Британии с давних пор были оборонительные сооружения, в Ирландии — крепостные валы из «каменных столбов» или просто большие круглые башни по типу Nuraghen. Королевой всех доисторических крепостей считается Мейден-Кастл (Maiden Castle) западнее Дорчестера. Она находится на горном хребте в форме почки, занимаемая ей площадь 670 м в длину и 250 м в ширину. Крепости древних галлов известны, прежде всего, по работам Юлия Цезаря. Это были укрепленные населенные пункты, располагавшиеся на каменистых горных плато и окруженные стенами, которые увеличивали возможности защиты. Цезарь описывает, как он осаждал эти оппиды (Oppida), как были построены стены и ворота, как они разрушались и восстанавливались и т.д. Из оппид полностью раскопана только Бибрахта (Bibrachte). В связи с укрепленными кельтскими населенными пунктами, нужно указать на мощные крепостные города Этрусков в Средней Италии, которые в раннеримское время гарантировали особую неприступность из-за укрепленных стен и ворот. Города Этрусков чаще всего лежат у слияния двух рек. Некрополи — по другую сторону реки. Контуры планов, которым отвечают линии оборонительных стен, очень различны. Стены обычно не имели башен, но в некоторых городах, например, в Чивита Кастеллана 50 башен разбивали стену на отрезки, длиной по 30 м. Толщина стен колеблется от 3 до 5 метров, а сами стены завершались зубцами. Планировка городов носит правильный характер, что характеризует их ориентацию по сторонам света. Подобная застройка ведется уже с V в. до н.э. Видимо, с учетом этого опыта возникают и правильные укрепленные постройки римлян. Имперская политика и военная экспансия, которых привели к новому качеству и расцвету оборонного зодчества, что проявляется в планах римских лагерей, носящих оборонный характер. Подобный лагерь имел форму квадрата и реже — прямоугольника.

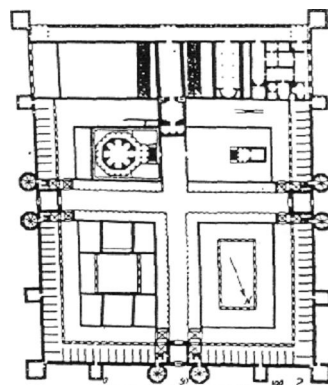
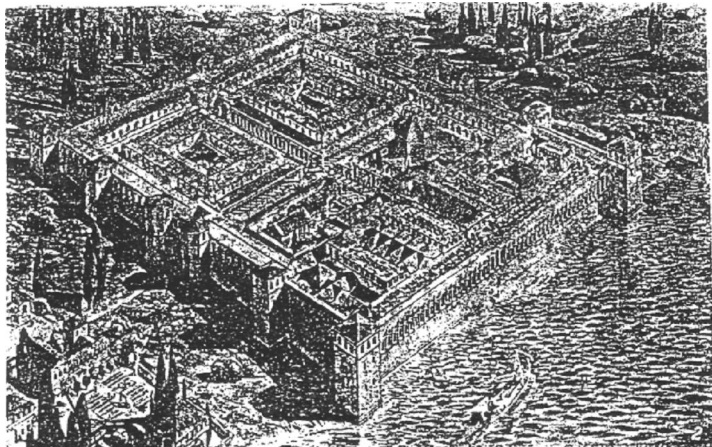
При этом учитывалось наличие хорошей позиции для обороны, удобной для охранения, наличие вблизи воды, дров и фуража. Ров, земляной вал и установленные на нем плетеные щиты — обязательные оборонительные сооружения. Иногда сооружались деревянные и реже каменные башни, с которых обстреливались подступы к лагерю. На подступах часто устраивались искусственные препятствия — засеки из срубленных деревьев, волчьи ямы, полосы из рогулек. В результате возникало мощное укрепление, которое редко противник решался штурмовать.

При захвате государств с более высокой культурой в Юго-Западном Средиземноморье и на Ближнем Востоке победители узнавали о высоких оборонно-технических достижениях этих культур и начинали использовать их в военных целях. Идет дальнейшее развитие стройной осевой композиции и использование террасного построения архитектурных комплексов. Эти композиционные черты приобретут в дальнейшем важное значение в общем развитии римской архитектуры.

лагеря.

Подобная прямоугольная фортификационная композиция была применена при строительстве дворца Диоклетиана в Сплите в Югославии. По своей планировке дворец представлял собой противоположность живописной планировке римских вилл и сильно напоминал римский укрепленный лагерь всей схемой плана (215x180 м), высокими стенами, башнями, воротами. Воздвигнутый примерно в 300-е гг. н.э., он представляет комбинацию крепости, города, резиденции и виллы площадью 29.409 кв. м. Всю конструкцию опоясывали со всех сторон стены, дополнительно укрепленные по всему периметру прямоугольными и восьмиугольными башнями, что увеличивало сектор обстрела нападавших и повышало обороноспособность всего объекта. Дворец Диоклетиана характерен для стиля поздней антики с признаками византийского и средневекового искусства, при анализе его архитектурного стиля, по способу кладки и по многим внутренним деталям.

Дворец Диоклетиана в Сплите Общий вид.

План.

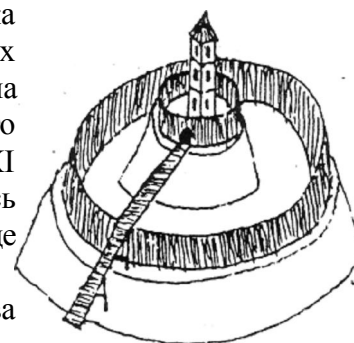
Монументализм римских построек должен был выразить идею господства государственной власти, военной мощи, в отличие от полисной демократии Греции. Для господства в завоеванных провинциях и для защиты империи были нужны неограниченное количество укреплений с башнями (наблюдательные башни на греческий манер) и крепостями в качестве военных городов или защитных пунктов. Первое появление термина «крепость» связано с именем Антония Пия. Эти укрепления в виде башни занимали чаще всего площадь 10x10 м, и могли также склоняться к поперечной башне, или образовывать как арабское пограничное укрепление со светлым двором. Тогда как на севере крепости были военными лагерями с правильным четырехугольным контуром, чья оборонительная система состояла из круговых стен, рвов и валов, четырех ворот и отсутствия каймовой застройки внутри; на юге развивался только один тип с одними воротами, выступающими угловыми башнями и крепкой круговой застройкой внутри. Из этого исходит амаядское пустынное укрепление Амада ал Харам в Маве. Наследником римского оборонного зодчества стало позднее Византийское государство. Контакты с высокоразвитыми восточными культурами имели большое значение для Рима и не могли не привести к таким взаимоотношениям в средне- и западноевропейских провинциях (Германия, Галлия, Британия и т.д.). Типы обороны, которые римляне с таким талантом преобразовывали для своих военных целей, они насаждали в приграничных местах, во всех узловых торговых пунктах, путях мирового значения, гаванях и т.д. Так крепости, пограничные валы и, в первую очередь, жилые сооружения специального вида существовали в провинциях севернее Альп как предшественники феодального жилья до меровингско-франкского времени¹. Столетие с великого переселения народов до образования раннефеодального государства Карла Великого наполнено войнами, волнениями и нападениями. Арабы, норманы и венгры штурмовали границы так называемой христианской Западной Европы. Быстрыми и опустошающими были их нападения. Естественно это состояние должно было привести к различным оборонным мероприятиям. Старые римские укрепления были лучшим примером для новых заказчиков строительных работ. Происходит их

активное обновление. Античные руины в Тире, Кельне, Риме и т.д., были перестроены в отдельные укрепления или городские стены. Во Франции в первую очередь были укреплены монастыри и церкви. Раннефеодальное государство Карла Великого уже не мыслимо без социальной структуры феодализма.

Быстрое расширение франкской державы, которая в VI столетии простиралась от Пиренеев до границы Тюрингии, достигала на севере границ Саксонии, на юге — берегов Средиземного моря, на востоке — до реки Инн, вело к быстрому ослаблению центральной королевской власти. Новому землевладельцу были во многом близки деревянные постройки римских крупных землевладельцев — виллы, чем сознательно определялось место жительства новых династий, как Меровингов. Именовались эти резиденции «фалу», образованные от латинского «Pulatum». Они возвращались к концепции дворцового района в Риме — Палатина, который имел четыре главные функциональные части: жилищная, представительная, культовая и хозяйственная. В большинстве своем — это неукрепленные дворцы, часто построенные прямо на остатках римских зданий и спроектированные на античных композиционных принципах из отдельных зданий, соединенных колоннадами, к ним же как необходимое дополнение примыкала дворцовая капелла. Эпоха Каролингов ознаменовалась во многом возвратом к форме жилища римских цезарей. Карл Великий демонстрировал свою приверженность к обновлению Римской империи. Далее развитие такой неукрепленной формы феодального жилища прервалось на склоне VIII столетия нашествием неприятеля. До арабов и мадьяр наиболее опасными были нашествия норманов (в 845 г. они осаждали Париж). В 882 г. Карл Лысый строит крепости на всех важных местах. Приказ его был выполнен с таким усердием, что уже в 864 г. тот же самый государь издал новый эдикт, предписывающий снос всех крепостей, выстроенных без королевского дозволения. Следовательно, право на все воинское строительство вытекало из обязанности заботиться об охране страны. Поэтому каждый кто желал построить крепость был обязан предоставить в нем в случае опасности убежище местным жителям на основе так называемой «Salvenontu». На основании этого жители имели право в небезопасные времена уйти в крепость. Иногда в крепость, поставленную вельможей, в случае опасности сбегалось все население округа, а постройка молча признавалась за королевскую. Новые феодальные крепости значительно отличались как от старых франкских и галльских жилищ, так и от неукрепленных дворцов франкских королей. В результате того, что члены дружины перестали вести общее хозяйство со своим господином и были посажены на его земли, крепость потеряла, прежде всего, существовавший объем. Из большого городка, заселенного дружинниками и их родичами, слугами, ремесленниками, в случае надобности — духовенством, это сооружение постепенно становится небольшим, приспособленным к потребностям сеньора, его семьи и важнейших слуг. К нему снаружи примыкало предградье, в которое в час опасности убегали по приказу сеньора вассалы. Старейшим типом феодальной замковой крепости, укрепленной династической резиденции, был так называемый мотт, который существовал почти во всех европейских странах, как первый признак зрелого феодализма. Раньше всего он появился во Франции, где зрелый феодализм существовал уже в X столетии, но был и в IX столетии — там, где существовала угроза вторжения норманов, вдоль северного и западного побережья Атлантики и вдоль рек, по которым они могли проникать вглубь страны, их нет лишь в Провансе,

который свой античный характер сохранял и до этого времени. Основанием мотта была жилая башня — старейший тип укрепленного жилища, который сопровождал человечество с самого начала цивилизации — в Древнем Египте, Вавилонии и культурах Средней Азии.

Башня, сначала деревянная, стояла на холме природном или искусственном и была обнесена высоким валом с палисадом и рвом. Башня на вершине холма была одновременно средством обороны и жилищем хозяина и называлась *dominatio*, *dominfonen* отчего возникло французское название *donjon*. Мотт с деревянной башней заменяется в конце X века каменным донжоном, положившим начало строительству каменных феодальных замков, распространившихся на всей территории Европы на всем протяжении Средневековья и начала Возрождения. От императорского дворца берет свое начало феодальный замок в германских землях с конца XI столетия, где основные жилищные и оборонительные функции заключались в укрепленном дворце, а башня играла чисто наблюдательную роль. В ряде случаев она могла быть и пунктом защиты.

Мотт.

Дальнейшее развитие европейского оборонного зодчества

произошло вследствие разногласий между центральной властью (в лице императора) и высшей аристократией. Началась борьба за инвеституру между папством и германскими императорами, причинившая вред всей Центральной Европе. Основным горнилом ожесточенной военной битвы была Саксония с центром в Гарце. Мощные государственные крепости возникли в кратчайшее время для защиты королевских имений, на строительство которых были стянуты тысячи людей (Гарцбург, Лауэнбург, Хазенбург). Министры императора, получив от него власть, командовали этими и многочисленными вновь построенными крепостями Рейха. От этих построек со второй половины XI века активно начинает отпочковываться немецкий феодальный замок, впитавший в себя все богатое фортификационное наследие прошлого, а активно развивавшиеся феодальные отношения и страх перед опустошительными набегами неприятеля этому только способствовал и оказывал существенное влияние. В результате немецкий замковый тип, ставший наследником имперского пфальца, представлял соединение дворца и народного укрепленного городища, от которого немецкое замковое древо заимствовало систему защитных рвов, валов и обводных стен. Подобный замковый тип, представленный укрепленным дворцом с внутренним двором, становится доминирующим в государственных образованиях Священной Римской империи. Он сформировался в конце XI столетия, в противовес к «нормандскому» донжонному типу замка, утвердившегося к концу X века во Франции и чуть позже в XI столетии в Англии, Испании, Южной Италии.

Таким образом, развитие фортификационного зодчества можно разделить на три основных этапа. Для первого этапа VIII-III т. до н.э. характерно впервые появление первых архаичных еще укрепленных поселений. Второй этап III-I т. до н.э. фактически становится наиболее значимым в развитии фортификации, когда создаются все важнейшие элементы активной обороны в крепостном строительстве. Наконец, третий этап - с начала I в. когда активно утверждается весь предшествующий накопленный опыт фортификационного зодчества, и начинают создаваться, с учетом внутренних и внешних условий, прообразы феодального замка.

Глава II. Структура феодальных замков

Замком мы будем называть укрепленное жилище феодала, включающее, как правило, комплекс необходимых служб. Формированию подобного типа укрепленных сооружений с их специфическими структурами предшествовали определенные исторические, политические условия и военно-стратегические установки. Появление феодальных замков значительно изменило ландшафт средневековой Европы и повлияло на формирование культового и других видов зодчества.

В условиях появления при Карле Великом военно-ленной системы начинается активное жалование земляных владений воинам, несущим постоянную службу в войске императора. В этих условиях начинает складываться институт феодалов с их дарственными поместьями и зависимыми крестьянами, с правом наследования при условии несения обязательной (постоянной или временной) военной службы. Центрами феодалов становятся укрепленные жилища их владельцев - замки.

Появлению каменных замков предшествовали укрепления - мотты, послужившие прототипом будущих феодальных резиденций во Франции, Англии и вдоль Дуная. В Священной Римской империи в основе будущего замка лежало укрепление королевского дворца - пфальца с различными средствами обороны (земляными валами, рвами, строениями). Это было вызвано опасностью вторжений: с юга через покоренную Испанию - арабов; с севера - опустошительными набегами норманнов; с востока - нападениями мадьярской конницы. В результате, к концу VIII - началу IX вв. начинается активное строительство моттов приграничных территорий. В наиболее важных в военно-стратегическом отношении местах во второй половине IX века король франков Карл Лысый строит укрепленные жилища. Приказ его был выполнен с таким усердием, что уже в 864 г. он издал новый эдикт, предписывающий снос всех крепостей, выстроенных без королевского дозволения. Следовательно, право на все оборонное строительство вытекало из обязанности заботиться об охране страны. Поэтому, каждый, кто желал построить мотт, был обязан предоставить в нем во время опасности убежище местным жителям на основе так называемой "Salvenontu", на основании чего жители имели право найти в нем убежище. Иногда в укрепленное жилище, поставленное вельможей, в случае опасности сбегалось все население округа, и постройка признавалась королевской.

К ней снаружи примыкало предградье (предзамче), в котором во время опасности укрывались по приказу сеньора вассалы. Поскольку члены дружины перестали вести общее хозяйство со своим господином и были посажены на его землю, то новые феодальные укрепленные жилища - мотты значительно отличались как от старых франкских и галльских жилищ, так и от неукрепленных дворцов франкских королей. Старейшим типом феодальной крепости, укрепленной династической резиденцией оставался до середины X века мотт, который существовал почти во всех европейских странах, как первый признак зрелого феодализма. Раньше всего мотт появился во Франции. В IX столетии их количество было небольшим, и сооружались они там, где существовала угроза вторжения норманнов, вдоль северного и западного побережья Атлантики и вдоль рек, по которым они могли проникнуть вглубь страны. Их нет лишь в Провансе, который свой античный характер сохранял и до этого времени. К X столетию, времени зрелого феодализма, начинается полномасштабное строительство моттов. Его основанием являлась жилая башня - старейший тип укрепленного жилища, который сопровождал человечество с самого начала цивилизации - и в Древнем Египте, и в Вавилоне, и в культурах Средней Азии. Первоначально деревянная башня стояла на природном или искусственном холме - своеобразном стереобате и была обнесена высоким валом с частоколом и рвом. Башня на вершине холма была средством обороны и жилищем хозяина и называлась *dominatio*, отчего возникло французское донжон. Мотт с деревянной башней заменяется в конце X века каменным донжоном, положившим начало строительству каменных феодальных замков, распространившихся на всей территории Европы в эпоху Средневековья и начального этапа Возрождения.

К востоку от Франции, в Германии во времена Меровингов основные центры жизни переместились в сельскую местность. Императорские и королевские дворцы, укрепленные монастыри стали местом и отправной точкой духовных, политических и военных акций. Соборные крепости Трир, Кельн, Регенсбург стали ядром новых поселений на остатках городов, входивших в Римскую империю. Репрезентативные строительные цели служили централизации власти вокруг Карла Великого: они состояли по существу в устройстве императорских дворцов и государственных отделений. Императорские притязания Франкского королевства возродили позднеримские идеи и некоторые формы, что принято называть "каролингским ренессансом". Дворцы Аахен, Ингельхайм, Нимвеген были

основными резиденциями императоров. Ингельхайм напоминает своей закрытостью, арками и сводами поздне римские резиденции, такие как Сполато (Сплит). Особым достижением этого времени становится вестверк ("Zentral west werk") , который представлен императорской крепостью в Аахене. Форма и частичные функции этой императорской "собственной церкви" (по словам Х. Мруссека) позволяют распознать реальную фортификационную основу, которая проявляется в средневековом сакральном строении, в мощных группировках башен. При этом в различных областях Европы с усилением процесса феодализации начинается систематическое строительство укреплений. Восточная граница Великого Рейха, стратегически важная линия Эльба-Заале, усиливается в 806 г. укрепленными поселениями Бардовик (Bardowick), Магдебург, Галле⁷. Широкая пограничная полоса, которая глубоко врежется в новозавоеванные области Тюрингии и Саксонии, была усилена франкскими укреплениями. Это были во многом первоначально защищенные поселения пришедших племен, из которых образовались позднее графские владения, такие как Зеебург (завоеван франками в 774 г.), Кверфурт (Querfurt, остаток крепости около 850 г.), Мерзебург, Гозек (Goseck). Из франкского времени известно, что король кроме королевского войска, имел еще и войско в таком поселении. Для обеспечения защиты страны появляется так называемый "Эдиктум Пистензе" - указ Карла Лысого от июля 864 г. - позволявший утвердить права императора на укрепления. До 1 августа все заложенные без королевского разрешения поселения, укрепления и заграждения должны были быть разрушены. Невыполнение указа грозило лишением титула и права владения.

Решительный подъем в Среднеевропейском оборонном зодчестве начался с возникновения раннефеодального немецкого государства Генриха I

(919-936 гг.). Падение франкского государства ускорило разрушительные нападения норманнов с северо-запада и быстрых венгерских рыцарских отрядов с юго-востока.

Известны стратегические и политические операции Генриха, с помощью которых он хотел преодолеть опасность со стороны венгров. Своим указом по созданию новой сети крепостей на востоке государства, перед франкской укрепленной зоной, между рекой Заале и средней Эльбой был создан новый пояс укреплений, с помощью которого он втягивал в систему обороны и управления местных славян. Этими оборонными мерами он одновременно предопределил

немецкую экспансию на Восток. Укрепленное поселение Мейсен⁸, основанное в 929 г. стало восточным плацдармом, с помощью которого была завоевана новая территория зимой того же года. При Оттонах возникла на территории Северной Германии система императорских дворцов-пфальцев, сооружений без фортификационных элементов, укрепленных хозяйственных дворов, которые служили резиденцией кайзеру во время свершения правосудия и временного управления государством. По сравнению с Аахенским, Ингельхаймским и Нимвгенскими дворцами, они были сравнительно просты, располагались они в основном на месте укрепленных поселений (Верла, Тиледа), и в большинстве случаев становились резиденциями епископов, которые как Мерзебург, Магдебург образовали ядро раннефеодальных городов. Башенная крепость, носящая саксонско-оттонический характер, возникла из императорского дворца. Уже существовавшая в Верле поперечная жилая крепость, которая в оттонское время сохранилась как разделенная на три ячейки постройка и как укрепленный кайзеровский дворец. Эта форма продолжала существовать в Саксонии и Тюрингии уже как женские покои. От императорского дворца берет свое начало феодальный замок в германских землях с начала XII столетия, где основные жилищные и оборонительные функции заключались в укрепленном дворце, а башня играла чисто наблюдательную роль, но могла быть при этом и пунктом защиты.

Дальнейшее развитие европейского оборонного зодчества было связано с разногласиями между центральной властью в лице императора и высшей аристократии. Началась борьба за инвеституру между папством и императором, причинившая вред всей Центральной Европе. Основным горнилом ожесточенной военной битвы была Саксония с центром в Гарце. Мощные императорские укрепленные дворцы возникли в кратчайшее время для защиты королевских имений, на строительство которых были стянуты тысячи людей (Гарцбург, Лауэнбург, Хазенбург). Министры императора, получив от него власть, командовали этими и многочисленными вновь построенными дворцами империи, от которых активно со второй половины II века начинает отпочковываться феодальный замок, впитавший в себя все богатое фортификационное наследие прошлого. Активно развивавшиеся феодальные отношения и страх перед опустошительными набегами неприятеля этому только способствовал. В результате появляется немецкий замковый тип, ставший наследником имперского пфальца, представленный неукрепленным дворцом и народным укрепленным городищем, от

которого немецкое замковое древо заимствовало систему защитных рвов, валов и обводных стен. Подобный замковый тип, представленный укрепленным дворцом, становится доминирующим в государственных образованиях Священной Римской империи. Сложившись к началу XII столетия, в противовес к "нормандскому" донжонному виду замка, утвердившемуся к концу X века во Франции и чуть позже в XI столетии в Англии, Испании, Южной Италии, он стал основным укрепленным типовым замковым строением.

Начало строительству каменных замков во Франции положил Анжуйский граф Фульк Черный, приказавший построить около двадцати прямоугольных каменных жилых башен-донжонов. Эти сооружения в большинстве своем первоначально служили лишь местом временных жилых убежищ, но уже к середине XI века стали служить постоянными укрепленными феодальными резиденциями. В течение последующих веков возникнут различные типы подобного рода укрепленных жилищ. Их разнообразие было обусловлено характером военной угрозы, рельефом местности, состоятельностью их владельцев, их ролью в сословной иерархии, строительными традициями и уровнем развития строительной техники и т.д. Уже к концу X века в основном сложилась структура феодальных замков, где основу их составляли группы жилых помещений. При всем разнообразии замковых форм (о них в гл. 2) можно выделить две основные структурные группы: французский донжон и немецкий башенно-дворцовый замок.

Анализируя донжонный тип укрепленного замка, появившийся раньше всего во Франции, где он получил свое развитие и наложил отпечаток на архитектуру построек других типов, необходимо рассмотреть эволюцию структуры немецкого дворцово-башенного типа, ставшего преемником имперского пфальца.

Мотт начинает заменяться в конце X века каменным донжоном (один из древнейших хорошо сохранившихся каменных донжонов находится в Лоше - Франция, выстроенный графом Фульком Черным в 1010 г.), распространившимся по всей территории Франции при незначительных местных отличиях. Этому развитию немало способствовала и необычайная приспособляемость Франции, которая была этнически однородна и территориально целостна. Старые графства, административные округа, заложенные уже в каролингскую эпоху, с постепенной феодализацией стали частными владениями светских и духовных феодалов, связанных ленными отношениями с центральной территорией Капетингов. Уже в XI

столетии крупные феодалы-герцоги, графы и маркграфы укрепляли повсеместно свои владения целой системой крепостных сооружений.

Романский стиль явился формой утверждения феодального общества. При распаде централизованного государства и господстве феодальной дробности сохранялись внутренние классовые связи владельцев феодалов, при этом церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя.

Достоинства и недостатки романской архитектуры времен сложения основ феодализма связаны с борьбой двух основных принципов - целостности, связанности и единства архитектурного целого с дробностью частей, обособлением их. Прежде всего, это сказывается на жилище феодала - его замке и в главной его части - башне-донжоне.

К началу X века сложился характерный для Западной Европы тип укрепленного жилища феодала. Предки феодалов X века использовали в качестве замка доставшиеся им полуразрушенные римские сторожевые башни и небольшие лагерные стоянки - бурги. Формы этих бургов были чрезвычайно разнообразны. В IX-X вв. завершается процесс выработки единого по существу типа прямоугольной в плане башни в структуре укреплений мотта. Эта башня располагалась по возможности на возвышенном и малодоступном месте. Вокруг площадки, на которой расположен донжон, сооружался крепкий частокол из толстых бревен, вбиваемых в землю. Бревна подгонялись вплотную и скреплялись, иногда ставились в два ряда. Таким образом, получалась высокая и крепкая стена, защищавшая донжон от нападений. Для придания большей обороноспособности замку к стене над входом стали в X веке пристраивать деревянную башню. Это давало возможность облегчить и усовершенствовать подъем перекидного моста. Канаты или цепи были протянуты в башню, а концы цепи наматывались на крутящееся бревно. Поднятый мост заслонял ворота, и таким образом, преодолевшие ров враги сталкивались с двойным препятствием, мешающим проникнуть в замок. За деревянной стеной делался настил, с которого можно было вести обстрел нападавших. Последним оплотом оборонявшихся был донжон, вокруг которого размещались хозяйственные помещения. Сам же донжон являлся жилищем и вместе с тем крепостью.

Структура феодального замка отражала поэтапные линии защиты, она характерна для большинства объектов. Внутри нижнего двора помещались мастерские, хлев, колодец и, возможно, церковь или часовня. Все эти жилые и

хозяйственные объекты, как и расположенная выше на насыпном холме жилая башня владельца замка, были обнесены мощным дубовым частоколом с системой подъемного моста. Весь объект, состоящий из нижнего и верхнего укрепления, был дополнительно защищен водным рвом, а сами части (хозяйственная и сензоральная) соединялись разводным деревянным мостом, который при необходимости легко убирался, превращая жилище владельца в абсолютно независимый участок обороны, доминирующий над нижним (передовым) укреплением. Структура самого донжона так же должна была обеспечить его неприступность и являлась главным узлом обороны замка. Донжон феодала средней руки имел в X веке, как правило, три этажа. В первом этаже находились помещения хозяйственного назначения, здесь же могла быть тюрьма для заключенных, взятых в плен, заложников и наказанных крестьян. На первом этаже располагалось помещение самого хозяина. Это была сравнительно большая комната, которая служила залом, столовой и вместе с тем спальней владельца. Верхний этаж предназначался для воинов, которые могли попасть через отверстие в потолке на плоский верх башни. Последний был окружен каменным, иногда деревянным парапетом. Приставные деревянные лестницы или стремянки, по которым только и возможно было проникнуть в башню, втягивались наверх, после чего башня делалась неприступной, так как в первый этаж со двора обычно не было входа. Дверь в башне иногда делали на очень большой высоте - до 15 м. от уровня земли. Наружная дверь была обычно одна, внутри же башни помещения различных этажей сообщались между собой с помощью приставных лестниц. Поскольку перекрытия до середины XII века были деревянными, то в них делались отверстия и к ним подставлялись деревянные лестницы. В других случаях, если помещения башни перекрывались сводами, сообщением между этажами служила лестница, помещенная в особом пристрое у башни.

Донжоны - мощные каменные постройки, в большинстве своем первоначально имели прямоугольные планы. Иногда они фланкировались угловыми круглыми башенками (Монтрезор, основан в конце X в. - обл. Анжу).

Донжон был замком в замке. Он вмещал все без исключения помещения и обстановку, необходимые их именитым владельцам. В четко выраженном оборонительном сооружении находились жилые и представительские помещения, часовня, колодец (источник), туалеты, камин, складские и оружейные помещения. Ранние донжоны X - XI веков были еще башенными сооружениями с простым

внутренним устройством помещений, расположенных на четырех - пяти этажах. Постепенно воинствующие бароны развили их в хитроумно устроенные оборонительные сооружения с системой тайных ходов и ловушек, предназначенных на случай прорыва врага в нижние этажи донжона.

Донжон со своими особыми функциями являлся, не просто деревянной или каменной башней или башней - часовней, и не общим замком или укреплением, а от него независимой главной командной башней владельца. Он представлял собой последовательную реализацию феодальной системы и должен был служить не только последним укрытием для феодальной знати, но быть защитой от возможного предательства собственного гарнизона.

Древнейшим хорошо сохранившимся каменным донжоном является башня в Лоше (Франция), выстроенная графом Фульком Нерра графом Анжу в 1010 г. Башня – четырехстенная, с непосредственно примыкающим к ней пристроем. Это жилище мало, чем отличается от описанных выше. Разница в том, что здесь был особый рыцарский зал и особое помещение для семьи графа, сохранившееся до наших дней. Донжон в Лоше – большая прямоугольная башня 25 м. длиной и 12,8 м. шириной, высотой около 40 м, с четырьмя узкими бойницами на южной стороне и с выходом со стороны второго этажа, куда попадали по приставной лестнице. Над ним возвышались еще три этажа, в каждом из них имелся большой зал, отопляемый очагом и снабженный узкими оконцами, размещенными в глубоких стенных нишах (толщина стены около трех метров). С первого этажа лестница вела в зал второго этажа, к нему в лестничном пристрое примыкала капелла *Sv. Sallepoenfa* с полукруглой экседрой, вделанной в толщу восточной стены. Зал третьего этажа был соединен винтовой лестницей с четвертым, ныне разрушенным этажом, окруженным галереей в толще стен. К донжону снаружи с правильными интервалами примыкают контрфорсы по всей высоте стены. Такие выступы были, очевидно, перенесены на стену донжона в Лоше со стен церковных зданий и стали далее продолжаться в некоторых других донжонах в виде выступов-лизен (*Божансина-Лауре, Фалезе, Кальвадос* и др.).

Надо указать, что в некоторых случаях расположение помещений по этажам варьировалось: второй этаж был представлен для кухни и челяди, третий отводился для семьи феодала, в четвертом был рыцарский зал с большим камином. Наконец, была комната башенного часового и над всем этим – площадка для

обороны и наблюдения. Описание башни в Лоше дает нам возможность говорить о целостности и архитектурной связанности сооружения, только отчасти нарушаемой лестничной пристройкой к башне.

Анализируя конструкции донжных замков X-XII вв., нужно отметить, что в большинстве своем они были двух видов: расчлененные-двухъярусные, состоящие из нижнего (передового) и верхнего укреплений с поэтапной линией обороны и одноуровневые, с жилой башней и примыкающим к ней двором, дополнительно защищенным наружной обводной стеной, сначала деревянной (частоколом), каменно-земляной. С конца XI в. многие из них становятся каменными, к которым внутри примыкали жилые (для слуг и гарнизона), хозяйственные и культовые постройки.

Во время боевых действий против внешних врагов хозяин замка (сеньор) не воевал в передних рядах своего гарнизона, как например, в Германии, где замок и жилая башня расположены иначе. Во Франции владелец находился сразу же или же при определенной степени опасности в своем донжоне и командовал своим гарнизоном. Одновременно его семейство и его самое ценное имущество, а так же достаточный запас продовольствия и оружия находились в донжоне – командной башне. Тайные ходы обеспечивали его гарнизону при необходимости возможность эвакуации. В условиях частых столкновений с внешними и внутренними противниками ускорилось развитие оборонительного строительства, а усиление могущества знати особенно проявилось в устройстве жилой части замка. Норманнские вторжения в Англию и Южную Италию усилили самосознание баронов. В отличие от других европейских стран, исключая Англию, французские крепости были гораздо больших размеров. Их облик впечатляет и сегодня. Усиление могущества феодалов и требование к повышению оборонной мощности замка приводили к большей монументальности всего замкового комплекса, в его раннем развитии представленном донжоном, а позднее в усилении его гигантскими опоясывающими стенами с башнями по всей их протяженности, жилыми строениями. Подобные мощные укрепленные замки были привнесены после завоевания Англии норманнами, что указывает на большое родство, существовавшее между ранними замками Северной Франции и Англии. В меньшей степени это влияние проявилось в пограничных областях с Испанией и Германией. Заметнее влияние Франции было на территории Южной Италии в связи с ее завоеванием во второй половине XI в. норманнами. И если замки в южной Франции

отличались разнообразием форм, что диктовалось горным рельефом (Пюилоранс, донжон XI в., ограда – XII в.), то в северной и средней Франции планировка замков достаточно единообразна из-за более равнинной местности (Лувр, Сюлли, Пьерфон). С начала XIII в. утверждается новая форма замка – кастелл.

В первой половине XI в. донжоны были обнесены укрепленными камнем валами. Их система и структура развивалась от единой крепостной стены до складывания основных конструкций по мере того, как развивалась осадная техника, и совершенствовалось оружие нападающих. Во Франции, начиная с XI столетия, на смену простым выступам приходят укреплявшие валы башенки. Потребность в большом количестве жилых помещений вызвала необходимость эволюции самой структуры замка. Начиная с середины XII в., феодальный замок усложняется, рядом с донжоном, в пределах окружающих стен, возникают новые пристройки. Так, воздвигнутый во второй половине XII в., замок с двойным донжоном в Ниоре имел соединяющий дворец. Его залы освещаются уже окнами, а не прежними бойницами и факелами, дающими мало света. Переход из донжона во дворец обычно блокировался дубовой дверью, окованной железными пластинами.

Изучение памятников военного зодчества, в частности феодальных замков XI-XII вв., дает возможность отметить процесс развития того архитектурного принципа, который был кратко назван «обособлением», нарушением органической связанности здания. Происходит обрастание донжона башенками, пристроями, службами, что приводит к дроблению архитектурного комплекса. При этом превращение донжона из прямоугольного в круглый ведет к усилению его обороноспособности.

Анализируя донжонный вид укрепленного замка во Франции, Англии, Шотландии, Испании, Италии, где он получил свое развитие, необходимо отметить специфические черты, характерные для пристроев в каждой из этих стран. Так донжоны Англии отличались от французских большей мощностью и напоминали куб. Испанские донжоны обладали выступами – подобием будущих эркеров, установленных на углах. Позже (XV в.) этот мотив повторяется и между углами. Несмотря на близость Англии, шотландские донжоны уступают им в размерах, заимствовав их у Франции, которая оказала влияние и на донжоны Южной Италии.

В испанских крепостях оборонный выступ становится характерным мотивом на кольцевых стенах и башнях. Выступы завершались высоким зубчатым

парапетом. Щелевидные стрелковые бойницы (амбразуры) были придуманы для защиты стрелков. С введением порохового оружия форма бойниц начинает варьироваться. Ворота – важный функциональный элемент, который во время развития наступательной техники эволюционировал от простых ворот с фланговыми башнями до выраженной системы лежащих друг за другом воротных укреплений или до барбакана. Задвижные засовы, подъемный мост, падающая решетка защищали открытие воротных створок, а так же внутреннюю крепость в случае поэтапного отступления. Последним местом укрытия была часовня. Расположение часовен и их формы были различны. Особую структуру сакральных строений представляют двойные часовни, которые можно увидеть только в некоторых крепостях высшей феодальной аристократии в Германии и еще реже в Скандинавии. Имевшие кубическую форму, они состоят из одного нижнего и одного верхнего помещения, разделенные перекрытием с прямоугольным проемом. Верхние, просторные, богаче оформленные были специально предусмотрены для господ, а нижние – для челяди. К входу вели, в зависимости от общего уровня, лестницы или съемные деревянные мосты. Особенную роль играла жилая башня (называемая так же донжоном, кипом, опорной башней, бойцовой башней). Она располагалась между примыкающей к ней часовней и другими строениями. Характер башни определялся и набором помещений внутри нее (камин, туалетный выступ, большие источники света на верхних этажах). Ее военное исполнение и месторасположение внутри всего сооружения могло быть в различных странах различно, как и ее внутренняя и внешняя форма. Во второй половине XII века усиливается потребность владельцев замков в увеличении количества жилых и представительных помещений. Прежняя планировка башни уже не удовлетворяла новые запросы феодалов. Результатом этого становится сооружение дворцовых комплексов рядом с прежним донжоном внутри защитного комплекса стен.

Дворец развивался от простого целесообразного жилища до внешне представительного строения на исходе XII-XIII вв. Со своим рыцарским залом на верхнем этаже он развил традиции ранних замков с их маленькими романскими или раннеготическими залами внутри. Среди расположенных по периметру строений крепостного двора дворец, как горизонтальное строение, занимает главенствующее положение. Широко растянутое перекрытие рыцарского зала держалось на ряде средних колонн. Встроенные в стену скамьи в нишах окон, стенные шкафы и простые лари, шкуры на полах и ковры на стенах придавали помещениям дворца

определенную теплоту и обжитость. Крепостная часовня так же являлась необходимым сооружением. Ее вид и положение в оборонном комплексе, элементы которого, как правило, имели преимущество перед всеми другими частями строения, могли быть различными. Она могла располагаться во дворе, пристроенной к воротной башне или вклиненной между оборонными стенами и зданиями, реже отдельно стоящей замковой церковью с прямоугольным объемом хора. Укрепленные часовни с ажурными окнами появляются в период готики под французским влиянием. Жизненно необходимы были колодцы или, при особенно каменистом грунте, цистерны для хранения воды. Кухонные строения с огромными каминами стояли первоначально из-за опасности пожара в основном изолированно. Каминные и отопительные системы, расположенные в подвале (прежде всего в императорских дворцах), как правило, находились во дворце или жилых башнях, но иногда и в часовнях. Мало упоминаемые боевые деревянные ходы и внешние лестницы служили одновременно помостом перед двором для горизонтального и вертикального движения и оборонного хода. В позднем средневековье эти функции переняли винтовые лестницы, лестничные башни, каменные галереи и ходы. В доме наместника крепости (комендант, бургграф, кастелян), так же жилым башнеобразным зданием, он жил со своей семьей. Передовые укрепления замка, являвшиеся предвратным укреплением, дополнительно защищающим сеньоральное жилище, как правило, обширнее основного замкового комплекса и менее заняты строениями, служащими хозяйственным целям и жильем для челяди.

К концу XII века дворец становится самым представительным зданием замка. Он состоял в основном из зала, чаще прямоугольной формы, с широкой лестницей и сдвоенными арочными окнами, которые тянулись, образуя аркаду вдоль всей продольной стены. Здание дворца обычно пристраивалось вплотную к донжону, образуя с ним единое целое, но могло строиться и изолированно.

В нижнем этаже дворца располагались кухни и хозяйственные помещения, во втором – чаще всего находился обширный зал, разделенный рядом опор на два нефа, и рядом с залом – капелла. Если был еще и третий этаж, то в нем располагались отапливаемые жилые помещения меньшего размера (кеменаты – от *caminata*, камин), при условии, что таких помещений не было во втором этаже или в пристроях. Подсобные здания для слуг, гарнизона и конюшни строились отдельно друг от друга, либо во дворе замка, либо в предназначенных для этого местах внутри обводных стен. Как городские, так и обводные стены замков начинают

защищаться башнями у входа. Постепенно они устанавливаются и в других, могущих быть уязвимыми, местах. С выделением дворца в оборонном комплексе потребовалась новая система защиты всего объекта. В результате, со второй половины XII века начинают возрастать требования к строительству жилых укрепленных сооружений больших площадей, чем это было раньше. Кроме потребности в представительном жилье, подчеркивавшем вес в обществе, возникла прямая необходимость в соответствующих помещениях для заметно возросшего числа воинов. Это напрямую диктовалось необходимостью решения колонизаторских (оккупация Ирландии во второй половине XII века) и оборонительных задач с учетом применения новых достижений в осадной технике. В результате, в строительстве замков была применена хорошо известная с римских времен планировка укрепленного лагеря – кастелла, который был выгоднее прежней замковой структуры, вмещавшей меньшее количество ратников.

В основе новой схемы замка лежало просторное внутреннее подворье, окруженное жилыми крыльями, вплотную примыкающими к окружной крепостной стене с угловыми башнями. Подобная планировка, когда вместо одного небольшого дворца, который необходимо было защищать внешними стенами и другими элементами обороны, теперь эволюционирует, и в результате возникает укрепленный дворец вокруг просторного внутреннего двора с большим количеством жилых и служебных помещений. Личные покои и часовня владельца обычно находились на втором этаже одного из крыльев дворца. На первых этажах и в угловых башнях размещались различного рода хозяйственные службы и гарнизон замка. Межэтажные перекрытия над двухнефными залами могли быть как деревянными и плоскими, так и каменными сводчатыми. В результате подобных изменений начинает отпадать необходимость в сооружении прежних мощных жилых башен с небольшим по размерам дворцом. В силу традиций и для придания большей мощи объекту жилые башни продолжают возводиться до второй половины XIII века. На некоторых территориях эта планировочная схема сохраняется и в последующие века (Савойя, Испания, Шотландия, Португалия). Стены подобного жилого кастелла могли иметь прямоугольные зубчатые завершения (Англия, Португалия, Испания), или же здания венчались конической крышей (Франция, Савойя, Тевтонский орден). При этом, обычно по всему периметру такого укрепленного дворца, под кровлей, служащей навесом, размещался боевой ход с прямоугольными щелями – бойницами и машикулями, предназначенными для

отражения фронтальной атаки неприятеля. В ряде кастеллов подобный боевой ход размещался не в чердачном пространстве, а на навесном балконе, идущем по всей внешней стороне стен.

Старейшие замки, совмещающие новую кастельную и более старую донжонную структуру, возникают уж в середине XIII века в Савойе, и их развитие завершается при Филиппе Августе (1180-1223 гг.). С середины XIII века начинается строительство замков с чисто кастельной структурой. Примером такого перехода между чистым кастеллом и замком с донжоном является замок Куси, выстроенный во второй трети XIII столетия Энгерраном III Куси, родственником Оттона IV, кандидатом на французскую корону. Замок был заложен на мысе в виде неправильного четырехугольника с округлыми угловыми башнями и жилым крылом, примыкающим к обводным стенам. Наиболее длинная – западная стена – напольная, в середине нее – круглый донжон, имевший в диаметре 30,5 м и обнесенный рвом с самостоятельной, окружавшей донжон, крепостной стеной. Уменьшенный аналог Куси – четырехгранный кастелл Дурдан, основанный примерно в 1220 году Филиппом Августом в Иль-де-Франсе. У всех этих кастеллов главным оплотом был большой округлый донжон, который в эпоху Филиппа Августа становится типовой постройкой. Строились округлые и прямоугольные (на юге Франции) в сечении жилые башни в большинстве своем на труднодоступных местах и обносились для дополнительной защиты стеной и наружным рвом. Высота их примерно 40 м, диаметр – около 20 м, кверху они немного сужаются. Верхние этажи соединялись с нижними винтовой лестницей в толще стены вместо прежних съемных. Последний этаж башни был окружен деревянным кольцевым обходом с бойницами по всему периметру и перекрывался высокой конической кровлей (Лаваль, сер. XII века). Иногда такой обход был исполнен в виде балкона. Появление стрельчатых сводов во второй половине XII века позволило строителям уменьшить боковой распор и поднять высоту донжона, доведя ее почти до шестидесятиметровой отметки. Расположение донжонов в замках со смешанной структурой было различным. Его местоположение диктовалось как необходимостью активной обороны всего объекта (и тогда мы имеем дело с его напольным расположением как в замке Куси), так и прежними строительными стереотипами, когда донжон был замком в замке и играл более локальную роль при осаде. Подобная башня имелась в парижском Лувре и размещалась посреди прямоугольного надворья, окруженного жилыми крыльями с округлыми башнями

на углах и по бокам зданий. В это же время строятся кастеллы с прямоугольным традиционным донжоном. К старейшим принадлежит замок в Роквельтайяде (Roquetaillade), основанный кардиналом Жильярдом де ла Мот в 40 гг. XIII века, где прямоугольный донжон традиционно размещается в центре дворца-кастелла. В результате можно выделить две структурные особенности в сооружении смешанных типов замков. В первом случае (размещение донжона со стороны возможного главного удара) речь идет о доминирующей роли главной башни в защите кастелла, когда последний играет главенствующую роль в замке. Во втором случае (размещение донжона в центре кастелла) очевидно, что обороноспособность последнего полностью подчинена защите главной башни, которая при этом играет более локальную роль и дополнительно защищается кастельным щитом по всему периметру осады. Особый интерес представляет структура орденских замков XIII-XIV вв. Налицо планировочная схема, совмещающая структуру боевого кастелла с мощными внешними стенами с одной, двумя, четырьмя угловыми башнями и примыкающими к стенам со стороны прямоугольного двора постройками. Эта группа строений фактически полностью заимствовала структуру монастырей, повторяя внутри орденских замков те же планировочные решения: рефекторий, дормиторий, зал капитула, хозяйственные помещения¹¹. Подобная внутренняя структура приносила в жертву обороноспособность всего объекта, так как превращала боевое сооружение-замок в подобие светского, полудуховного комплекса. Подобная полумонастырская структура со снижением боевых качеств замка в XIV-XVI вв. начнет видоизменяться в сторону усиления боевой мощи. Конвенты начнут заключаться в кастеллы, или с фронтальной стороны к ним начнут пристраивать регулярные предзамковые укрепления-форбурги с угловым расположением башен. Активное влияние Франция оказала не только на замки Тевтонского ордена, но и на близлежащие территории.

Подобным было развитие замков и в Англии, но здесь имелись местные структурные особенности. Донжон был главным жилищным и оборонным сооружением в конце XI столетия, когда возникло первое каменное здание этого типа - Тауэр, и до второй половины XIII столетия, когда при Эдуарде I (1273-1307гг.) созрел регулярный английский кастелл. Особенность структуры английского "кеер" (кипа) - большая разделенность внутреннего пространства. Почти везде присутствует внутренний пристрой и четырехгранные угловые башенки, в одной из которых скрывается винтовая лестница, связывающая все

этажи. Обводные стены кипов были гораздо выше кровли для более надежной ее защиты. Сходство между английским кипом и нормандским донжоном более всего проявилось в том, что их внутреннее пространство разделялось по высоте стен, как это видно на примере старейшего из них - Тауэра. Наиважнейшие особенности английских замков уже встречаются в так называемых shell-кееры и донжонах с внутренним двором (вторая половина XI в.), которые представляют собой нечто среднее между саксонским "rundlinkem" эпохи городищ и нормандским донжоном. Вершина холма с моттом, природная или искусственная, при строительстве донжона обносилась мощной каменной стеной (сначала деревянной). Со стороны двора вдоль этой стены ставились каменные столбы, поддерживавшие кровлю-навес над различными службами (жилье прислуги, гарнизона, кухни, склады, конюшни). Такая форма получила название скорлупной или раковичной. Таким "скорлупным" донжоном была, согласно М.Тоуе, внутренняя часть крепостного пространства донжонного замка Жизор (Jisors, Enne) в Нормандии. Построил его по приказу Вильгельма II Рыжего архитектор Робер де Беллем и заканчивал Генрих II Плантагенет (1154-89 гг.), который к окружной стене пристроил крепостные столбы, на которые опиралась кровля, а этажи донжона соединил винтовой лестницей.

Тип кастелла в Англии появился несколько позже, чем во Франции, но зато здесь он получил свое окончательное развитие как ни где в Европе, получив наружные укрепления в виде стенного чехла, укрепленного дополнительно угловыми и межуговыми башнями (Caerphilli 1267-77гг.; harlech 1285-90 гг.; Beaumaris 1295-1320 гг.).

В Италии развитие структуры неоднородного замка было очень разными. Наиболее ярко замкостроение в Италии проявилось в эпоху Штауфенов в два различных этапа. Первый был вызван к жизни потребностью немецких господ укрепить Альпийские перевалы, ведущие к Милану, где они оспаривали ломбардскую корону, и до Рима включительно, где получали от папы титул императора. Так в этих областях появились германские дворцово-башенные типы замков с призматической башней (Coira in Venosta). Вторым этапом в истории штауфенской архитектуры представляют замки Фридрих II в Сицилии. На этот раз эта архитектура проникла в форме цистерианско-бургундской готики непосредственно через швабских и арабских мастеров и была удивительным образом привита к типу регулярного кастелла. В его генезисе частично проявились

не только античные традиции, но и повлияли арабские. То, как сохранялись старые местные традиции, видно из нормандских донжонов, которые здесь строились на каменном цоколе (Адерно, Термоли); так похожие на вавилонские и египетские древние постройки и замковые башни с круговой застройкой (как, например, Больсена).

Много сложнее, чем во Франции и Англии, был процесс возникновения феодального замка в Германии. Неравномерное развитие отдельных немецких территорий приводило к тому, что здесь не сложилась единая замковая структура, как в Англии и Франции. В той части Германии, где не были утеряны античные традиции, развитие замка в Средние века колебалось между двумя структурами, унаследованными от прошлого: структурой открытого жилища, имевшей сходство с формой пфальца VIII столетия, и между структурой защищенного городища (так называемого Фольксбург), который существовал здесь с незапамятных времен. Первое соединение обеих структур было закончено в эпоху Оттона, когда вновь появилась потребность воскресить в полном блеске полузабытую каролингскую империю - единственное средство остановить центробежные силы в племенных землях Германии. Однако в державе, границам которой угрожали мадьяры, до них - норманны, и которая насильственно покоряла славянские области на востоке, уже нельзя было строить представительные здания-пфальцы на открытом месте, как в эпоху каролингов. Их нужно было перенести в безопасное место, защищенное как природными, так и искусственными препятствиями, либо в старое городище¹³. Как выглядело соединение двух разнородных традиций, лучше всего демонстрируют пфальцы в Верле и Госларе. Их укрепил Генрих I, чтобы защищаться от нападений мадьяр, и где с ним было в 924 году заключено девятилетнее перемирие. Городище, заложенное на мысу над петлей реки Окер, имело три укрепленные части: два больших предградья на западной стороне и округлое внутреннее городище. Генрих I далее вновь укрепляет городище целиком: первое предградье защищает на восточной стороне рвом с глиняным валом; второе предградье, служащее, очевидно, для поселения воинского гарнизона, ограждается кроме рва каменной стеной. Подобное укрепление имел и пфальц, рядом находились двое ворот: на севере и на западе. Оба эти предградья были устроены на основе старого опыта (городище).

Дальнейшее развитие немецкого феодального замка на основании проводимых археологических раскопок изучали К.Плат и К.Шурхардт, раскопавшие замки под селением Тоденманнем, недалеко от города Минден в современной

Вестфалии. Среди укрепленного круга стояла четырехгранная башня; по мнению Шурхардта, это был типичный мотт, соединенный со старым сакским городищем. Различия между областями, затронутыми и не затронутыми античной культурой, лучше всего видны, если сравнить некоторые структуры старейших замков возле Рейна. Старейшая форма феодального жилища – укрепленный дворец с призматической башней, высотой приблизительно 10 м, которая размерами и толщиной стен напоминает так называемую «burguse» – сторожевые башни, построенные римлянами для охраны границ на Рейне и в Подунавье в первых столетиях нашей эры. Старейшие башни, подобные им, появились в конце XI столетия (Гляйберг, Кассель); округлые башни возле Рейна, напротив, появились лишь в конце XII столетия (Планкенберг), и, следовательно, вторичны и в большей мере применялись уже в XIII столетии под влиянием французской фортификационной архитектуры эпохи Филиппа Августа. Это проявилось в структуре зданий, профранцузски ориентированных зодчими-основателями, какими были, например, граф Юлих (Julish), и, особенно, кельнский архиепископ Конрад фон Хохштаден – основатель первого готического собора в Германии (Кельн). И хотя французское воздействие здесь бесспорно, округлые башни в этих германских землях не достигли таких размеров, как во Франции, они редко превышают 20 м. Их тесные помещения мало удовлетворяли требованиям, предъявляемым к жилищу. Постепенно на территории Германии возникает две основные структуры башенно-дворцового замка – саксонская (круглая башня) и придунайско-бургундская (призматическая башня)¹⁴. Отсутствие жилья в обеих этих структурах обусловило необходимость в возведении жилого дворца с обычным для него залом. Существование этого жилого здания имело, в свою очередь, обратное влияние на большие зарейнские башни, где жилые помещения строились, дублируя основные дворцовые. Так в Германии, из двух главных элементов – оборонной башни и укрепленного дворца (жилого помещения), развивается ведущая структура феодального замка, его главными элементами в дальнейшем так же будут и крепостные стены. Старая общепризнанная традиция способствовала уже на первых порах, особенно в областях, не затронутых античной культурой, появлению башни, считавшейся, прежде всего оборонным зданием. В ней, как и в исконном типе замка – франкском мотте – находилась временами жилая комната. Гораздо чаще, особенно в Средней и Северной Германии встречаются башни, в которых для жилого помещения не хватало места, и которые были приспособлены исключительно для

обороны. Оборонная функция башни здесь так последовательно проявляется, что это даже заметно в ее форме. При недостатке места для жилого помещения в ней все было предназначено для ее оборонной функции. Традиционная прямоугольная в плане башня не обеспечивала круговую защиту и оставляла уязвимые зоны. Башня со срезанными углами, со временем ставшая восьмигранной, с равными по длине сторонами, а, затем, и округлая этот недостаток устраняли. Возникновение в Саксонии и Чехии замкового зодчества проявило отчетливое стремление приспособить направление окружной дворцовой стены к особенностям рельефа местности. Тогда как в Северной Германии сохраняется герметически совершенная форма, возле Рейна под влиянием штауфенской архитектуры эта форма постепенно вытесняется иной, ориентированной на природные особенности.

Увлечение круглой формой, мягко выведенной линией крепостной стены, проявляется в структуре замков северных областей Германии. На этой территории в то время вообще возводились только каменные стены, но они были везде из необработанного камня, сложенного насухо или соединенного глиной. При подобном примитивном способе кладки было проще строить округлые формы, следуя рельефу. К подобной стройке готовились обтесанные квадраты или необработанные валуны. Структура немецкого типа замка включала основное здание с представительным залом на втором этаже со стороны двора. На первый этаж, обычно наполовину утапливаемый относительно уровня надворья, попадали по спускающейся вниз лестнице. В зале, расположенном на втором этаже, устраивался ряд спаренных окон, составляющих нередко целую галерею со столбами. Эти окна были или остекленными, или снабжались поворотными деревянными щитами (своеобразными жалюзи), а освещенный этими окнами неф назывался солярием. В случае малой защищенности дворца, спаренные окна заменялись маленькими щелевидными бойницами, а недостаток освещенности компенсировался светом факелов. Не подверженной изменениям частью укрепленного дворца была капелла, иногда двухэтажная, с первым этажом, выделенным простолюдинам, и с амфитеатром на втором (т.н. трибуна), предназначенным для духовной и светской знати. Капелла была самостоятельной частью, или была дворцовой пристройкой, или находилась над воротами. Планировка дворца обычно всегда следовала конфигурации местности и была иррегулярной. Снаружи стены дворца прорезали окна-бойницы. Значительно снижало боевые возможности этого укрепления отсутствие боевого хода по всему

периметру дворца, что, видимо, компенсировалось гористым ландшафтом и, как следствие, сложностью подхода к стенам. Доминирующая над дворцом башня первоначально (до середины XII века) играла второстепенную роль, в обороне ей отводилась функция дозорной. В нижних этажах башни зачастую могли размещаться тюремные или складские помещения. С середины XII века начинается эволюция местоположения башни с целью усиления обороноспособности замка. В результате меняется положение башни в его организме, и она встраивается в дворцовую стену для контроля и активной защиты въездных ворот, при этом (если она была прямоугольной) острый угол был обращен к фронту, что усиливало ее оборонные качества. Одновременно с этим, с середины XII в. предзамковая территория также начинает дополнительно укрепляться. В результате возникает полурасчлененная планировка замка, где центральным зданием становится укрепленный дворец с башней, а к нему прилегает предзамковое укрепление, регулярное или нерегулярное в своей основе, подчиненное горному рельефу. Подобное предзамковое укрепление обычно имело стены, уступающие по высоте дворцу, к которым внутри могли пристраиваться жилые (для стражи), реже хозяйственные объекты. Подобная стена могла быть дополнительно укреплена небольшими прямоугольными или круглыми башенками, одна из которых часто играла роль надвратной. Снаружи въезд в замок обычно дополнительно укреплялся земляным валом, если местность была пологой, и рвом. В небольшом дворе обычно размещался колодец. На первом этаже дворца в основном размещались хозяйственные службы и жилье для гарнизона. На втором и третьем этажах размещались личные покои владельца замка и рыцарский зал для приема гостей. Подобная планировка обычно лежала и в основе различных производных вариантов немецкого башенно-дворцового типа замка, где главное место отводилось попрежнему укрепленному дворцу, выполнявшему основную оборонительную, жилую и хозяйственную функции.

Особенностью Эльзаско-Швабского направления при сооружении дворцово-башенных замков было распространение с середины XII века до Саксонии и австрийского Подунавья кладки из квадров. Полностью она была использована в Средней Германии в собственных штауфенских владениях (Эльзас и Швабия) и на присоединенной к имперской короне Франконии, то есть в области, где преобладал южно-немецкий вариант замка с четырехгранной башней (или Придунайско-Бургундской).

В замках саксонско-гессенского плана – с округлой башней, даже в так выраженном штауфенском владении, как во Франконии, кладка из квадров нигде у круглых башен не применялась полностью, в отличие от призматических башен. Точно также проявился штауфенский стиль в Южной Германии – главной немецкой части сегодняшней Швейцарии, то есть в областях Аллеманского замкового типа, где кладка квадров была использована лишь на углах. Так же и в Подунавье кладка из квадров по направлению к востоку и югу заметно убывает. Если же в верхнем течении Дуная кладка из квадров была явлением еще достаточно частым, то в австрийском Подунавье замки с подобной кладкой единичны. В Тироле и Форальсберге кладка из квадров использовалась ограниченно, как в Швейцарии лишь на углах (в Северной Швейцарии – Эгрэнфельд, Фрауэнфельд; в Тироле – Тратцберг). Эта кладка, тесно связанная с имперской идеей, которую задумал император Барбаросса (создать единое государство с единой культурой), удалось частично. В строительстве замков Барбаросса натолкнулся на непреодолимую границу, разделяющую художественные вкусы и традиции отдельных территорий Священной Римской империи.

Кроме основной структуры немецкого замка, у которого основная оборона доверена окружным стенам дворца и сторожевой башне, существуют в Германии такие замки, где башен нет вовсе, и где оборона целиком ложится на крепостные стены. Это замок с так называемой чехольной (Mantelmauer) или щитовой (Schilclmauer) стеной. В случае, где замковый мыс был слабо обезопасен природой, ядро замка обносится высокой и мощной стеной, которая на опасной стороне достигает 3-5 м в толщину и нередко 10 м в высоту, а жилые помещения пристроены к ней изнутри. Очень часто вокруг замка шла укрепленная обводной, но более низкой стеной (так называемым парканом) и защищенная снаружи окружным рвом, предзамковая территория в несколько метров шириной. У замков мысовых, где подход шел по узкому перешейку, эта чехольная сторона располагалась только со стороны подхода, где она выростала в мощный щит 3-5 м. толщиной и 20 м. высотой, который имел под верхней боковой галереей в толще стен еще и сводчатый ход. У отдельных простых замковых структур к стене сразу примыкает дворец, у более сложных конструкций подход к жилой дворцовой части прерывается несколькими щитами, идущими друг за другом и защищенными рвами с водой. Оба варианта – чехольный и щитовой – часто комбинировались с башнями, за некоторым исключением четырехугольными или пятиугольными, поставленными в

угловых изломах стены (пятиугольные в плане башни – Локенхаус, Австрия). Часто башня ставится в середине стены как в замках вершинных, так и равнинных. Почти во всех случаях речь идет о постройках целиком квадратной кладки или с квадратами на углах. Уже из этого видно, что речь идет о замке, принадлежащем приблизительно к придунайско-бургундскому варианту, сосредоточенному главным образом в Франконии, Эльзасе, Рейнском пфальце и Швабии. В них квадратная кладка, присущая замкам штауфенского типа, наиболее выразительна.

В Германии башни ярко выраженной округлой формы встречаются изредка, главным образом на тех землях, где было ощутимо французское влияние (Заальэк в Тюрингии, Катц в среднем течении Рейна). В тоже время нужно учесть и то, что до половины XII столетия на королевских и коронных землях во Франконии, Швабии и Эльзасе строились первые великолепные штауфенские дворцы, и развитие феодального замка шло к завершению. Штауфенские замки явились вершиной немецкой замковой архитектуры. Они получили распространение вдоль старого римского пути, следовавшего вдоль среднего и нижнего течения Рейна, частично – в поречье Мохана, и оттуда вдоль реки Таубер и на юго-запад от Рейна до Подунавья.

В Германии в архитектуре замков явственно ощущалась необходимость выделить башню из жилого комплекса, чтобы придать ей лишь оборонные функции. Это стремление подтверждается структурой замков в начале XII столетия. Так в замках, расположенных в горах или на мысах, соединенных с материком узким перешейком, башни строились надвратными или рядом с въездом. Первоначально башня стояла за стеной, но постепенно начинает приближаться к ней и, наконец, становится ее составной частью. Традиционная прямоугольная башня при этом оказывалась менее эффективной, чем круглая или многогранная. Такая форма позволяла организовать круговую оборону в наиболее уязвимой части замка – входной. При этом линия крепостной стены оказывалась под углом по отношению к башне и оказывалась лучше защищенной. Так возникла пятиугольная или кораблевидная башня, появившаяся одновременно и независимо в двух центрах: в среднем течении Рейна (Эльзас – Лотарингия) и в Нижней Австрии. Из этих центров постепенно этот тип башни проникает к соседям – из первого до Нижней Франконии, Саксонии (Фалькенштайн) и позже, около XIV столетия – до Швабии; из второго – до альпийских территорий Австрии и, главным образом, - в Подунавье до Венгрии, за исключением сегодняшней Словакии. В ней утвердилась – и то лишь

в небольшом количестве, пришедшая из чешских земель и Селезии округлая башня со шпилем. Чисто немецкая традиция включает в замковый комплекс относительно большой жилой дворец и сторожевую башню с защитными стенами. Привычная французская схема, включавшая в себя донжон, на территории Германии практически не привилась. Исключение составляет лишь замок – донжон Нидегген в дельте Рейна (возле Дюррена), заложенный в 1177 году – графом Юлихом, о котором уже писалось ранее, известным своими тесными отношениями с Францией.

В бывшей Восточной Марке – сегодняшней Австрии – начало строительства каменных феодальных замков приходится на конец XI столетия. Старейшая здесь структура замка – вариант мотта, каменное строение, названное в источниках «укрепленным домом» («das festehaus»). Закладывались они в этой горной стране на холмах среди округлой ограды, укрепленной снаружи, и напоминали крепостные типы долины Рейна, что при римской традиции естественно. Особенностью этих строений было то, что башня была больше традиционных сторожевых башен и напоминала чуть уменьшенный и упрощенный французский донжон (замки Петерсберг над Фрайзахом в Штирии; Клам и Лобенштейн в горной Австрии). Такая форма просуществовала недолго и вскоре в большинстве своем была вытеснена крепостными типами, которые сюда проникали из долины Рейна, баварского Подунавья, и позже, наконец, из Северной Германии и Чехии. До этого времени (вторая половина XII в.) замковый комплекс ограничивался лишь жилой башней. Складывающийся новый тип замка, при котором основное жилье переходит во дворец, лишает башню ее универсального назначения, сохраняя за ней лишь оборонные функции.

Подобное же развитие прошел замковый тип в Швейцарии. И здесь исходным, как это уже было заведено, явился мотт. Частично жилица башня здесь повторяла первоначально придунайско-бургундский вариант. Затем западная часть страны испытала сильное влияние Франции через соседнюю Савойю, где возник переходный тип кастелла и донжона – «савойское каре».

В северных областях башня нередко срасталась с дворцом в единый блок, подобно рейнским и южношвабским пфальцам (замки Бриенц, Белфор, Левенбург, Валталинген, Гирсберг). Местом, где преобладали замки с исключительно округлой башней, была, кроме Восточной Германии, вся первоначально славянская территория (Лужицкая, Силезская и Браниборская), постепенно присоединенная к

империи в качестве марок. Средняя Германия, Чехия, бывшие французские герцогства были типично пограничными областями, где оба замковых варианта в равной степени преобладали со времени их появления, став производными от немецкого башенно – дворцового типа замка и отличались лишь конфигурацией главной башни (придунайско – бургундский и саксонский варианты).

Формирование структуры немецкого замка закончилось штауфенскими постройками. В середине XIII столетия наступил застой. В качестве исключения, появляется округлая башня со шпилем, типичная для французской готики, и сохраняется, тоже в виде исключения, тип кастелла в среднем течении Рейна и Эльзасе. Часто они появляются лишь во французской части Швейцарии, но здесь речь идет или об архитектуре савойской, или об ее так называемом варианте кастельного замка. Самостоятельная тема – замки Фридриха II в Апулии и в Сицилии, в цистерианско – бургундском стиле (по определению Д. Менцловой) с квадратной кладкой – верным признаком штауфенских идей, привитых в первой половине XIII столетия. Для них характерен арабский план правильного кастелла с округлыми башнями по углам. Целиком независимые структуры кастеллов возникают в конце XII столетия и особенно в XIII столетии также и в равнинных областях Северной Германии. Их генезис, однако, принципиально отличен от французской структуры кастелла и связанной с ним архитектуры, так как здесь угловые башни отсутствуют. Безбашенные кастеллы берут свое начало, возможно, от старых регулярных саксонских городищ. Подобная структура сравнима лишь с замками немецких рыцарей в Прибалтике. Они генетически связаны с местной традицией, восходящей еще ко времени городищ.

Развитие ренессансных тенденций в оборонном замкостроении в Центральной Европе лучше всего проявилось в облицовке въездных ворот и создании внутренних дворигов. Если в ранний доренессансный период мощные блоки грубо отесанной (рустованной) квадратной кладки встречались во многих замковых стенах, выполняя исключительно защитную функцию, то со второй половины XV и особенно в XVI-начале XVII века подобную кладку можно обнаружить в наиболее бросающихся в глаза внешних частях зданий, башен и особенно въездных ворот. Не смотря на значительную толщину стены, способной своей мощью противостоять камнеметам и орудийным выстрелам, подобная рустованная кладка имела больше декоративные, нежели оборонные функции. Помимо этого, такая кладка несла и большое символическое значение, поскольку

она создавала более внушительный и неприступный образ, одним своим видом отбивая у нападавших желание штурмовать такое сооружение. Тем более что такие рустованные стены никогда не создавали в тех местах, где был возможен штурм с использованием приставных лестниц.

Но если внешний вид замковых комплексов Центральной Европы был по-прежнему суров и неприступен в период Возрождения, то их новые внутренние дворы становились более изящными, чем раньше. В основном, исходя из рельефа местности, такие замковые подворья имели прежнюю регулярную или нерегулярную композицию, но под влиянием Ренессанса уже окружались двойным ярусом колоннад, как и городские, часто неукрепленные, дворцы знати, которые больше полагались на неприступность внешних городских укреплений, чем на свою систему защиты.

Главная башня в замковой планировке периода Ренессанса находилась обычно в том месте, где она помогала охранять уязвимый въезд, но могла располагаться и так, чтобы наилучшим образом усовершенствовать внешний художественный облик всего сооружения. Кроме того, своей высотой башня выражала степень амбициозности её владельца. При том, что высота в 10-12 метров была вполне подходящей для обеспечения надежной защиты всего сооружения, многие замковые постройки всё же имели башни гораздо большей высоты, исключительно из соображений престижа. Примером может служить башня Надъважоньского замка в Венгрии. Когда в 1475 году замок стал резиденцией Пала Кинижи, полководца венгерского короля Матиаша Корвина, то старая 25-метровая башня была надстроена и выросла в результате ещё на 5 метров.

Феодальные замки были не просто инженерными сооружениями, которые были предназначены для защиты жизни и имущества своего владельца, это скорее архитектура, выражавшая идеи силы, власти и могущества. Но их важность заключалась не только в том, что они были резиденциями крупных и средних земельных правителей, наделенных огромными полномочиями и привилегиями. Эти сила и власть были столь тесно связаны с замком, что трудно определить, кому они принадлежали - самому замку или его хозяину. Феодальный замок и власть в сельской местности или городе были одно и то же. Административным и юридическим центром было жилище феодала, которое могло быть не только замковым комплексом, но и сельской фермой, аббатством или городским дворцом. Приобрести замок означало получить вместе с ним привилегии, даже если он был

куплен у другого феодала, унаследован, подарен королем или захвачен более расторопным соседом. Обычно новый хозяин брал себе титул приобретенного владения, наследуя, таким образом, преемство власти. В результате домен, замок, и феодал были единой сущностью, элементы которой невозможно отделить друг от друга.

Сооруженные на вершинах холмов, на мысу или острове, имея внушительный облик, замковые постройки, тем не менее, часто не оказывали прямого военного влияния на окрестности в силу своей удаленности и изолированности. И топография, и конструктивные особенности, и специфика оружия того времени делали невозможным контроль окрестностей. Если населенный пункт подвергался нападению, то отразить его означало выйти за пределы безопасной зоны, какой являлся замок. Замковый комплекс был силой, только когда сам подвергался нападению неприятеля. Деревня же могла быть уничтожена прежде, чем из замка подоспевала военная помощь. В результате изолированное положение замкового объекта на деле означало, что хозяин замка часто не вмешивался в то, что происходило в округе, исходя из вопросов собственной безопасности, если к тому же у него не было в наличии достаточно военных ресурсов.

Иную картину представляли королевские и крупные сеньоральные замковые комплексы XII-XIV вв., имевшие достаточно мощный гарнизон и запас оружия. Эти сооружения могли контролировать округу и пограничные владения, но в силу их малочисленности и в силу надежды крупных территориальных владык на военные отряды, служившие им, удаленные от замков земли часто оказывались без присмотра и подвергались разграблению.

Замковые постройки мелких и средних феодалов в период

Средневековья были предназначены, в основном, для того чтобы защитить в нужный момент небольшую кучку людей от нападения небольшого воинского отряда, не способного к тому же на долгую осаду и на продолжительный захват чужой территории. Можно предположить также, что башни замков использовались для предупреждения о грозящей опасности при помощи сигнальных костров. Поэтому многие замковые комплексы располагались на возвышенностях, и это определяло надежность каждого звена в их цепи. Но при этом следует учитывать и тот фактор, что в период феодальных войн и усобиц многие феодалы владели замками в союзе с захватчиками, надеясь получить от этого материальную выгоду. Подобный же интерес замковые феодалы испытывали и по отношению к торговым путям и важнейшим дорогам. Охраной торговых путей была больше озабочена центральная власть, которая получала от них доходы и одновременно способствовала объединению с помощью торговли всех районов страны. Владельцы частных замков, знатные семьи, всегда экономически конкурировали друг с другом и, имея право взимать пошлины, могли требовать деньги с путешественников, получая от этого прямую выгоду. Согласно правилам охраны сюзерен мог требовать от вассалов защиты путешественников. В реальности частновладельческие замки с их владельцами, наоборот, зачастую представляли угрозу для купеческих караванов, не только не защищая, но и грабя их. Не случайно с XIII по XVI век идет активная борьба городов и центральной королевской или княжеской власти за захват замков и их разбойных владык.

Часто сам феодал принадлежал нескольким семействам сразу. Скучного дохода едва хватало, чтобы профинансировать даже небольшой гарнизон, часто

состоявший из одного-двух профессиональных солдат, привратника, открывавшего ворота, пары слуг и, если в замке не жил феодал, управляющего, который был ответственен за защиту. Дополнительной помощью в осаде были крестьяне, которые изначально были обязаны участвовать в обороне, однако их вооружение было таким примитивным, а энтузиазм и готовность к борьбе в мелких и средних владениях настолько слабым, что такая система не могла существовать долго. В результате феодал обращался за помощью к профессиональным наемникам. Этим людям необязательно было жить в одном определенном месте, они могли приходить защищать замок только в случае грозящей опасности. В обмен они получали вознаграждение, хотя не все феодалы имели возможность заплатить. Сохранилось несколько документов, касающихся замковых гарнизонов, в которых упоминается абсурдно низкое число защитников. Так, например, у рыцаря Павла из Вихенштейна и Планкенфельза был только один профессиональный солдат - "богатырь", пристав, слуга и два пастуха. В другой чешской хронике о временах правления королей Карла IV и Вацлава IV упоминается рыцарский замок Спиес – хорошо защищенное логово разбойников около Байреута, который был осажден в 1397 году Вацлавом IV и который активно оборонялся благодаря тому, что вместо обычной пары человек в нем было 24 защитника.

Кроме этого, проблему составляло и оружие. Оно было дорогим и поэтому находилось в замке в очень небольшом количестве. В основном в качестве защитных средств применялись камни, кипящие жидкости, испорченная провизия. К сожалению, нет хроникальных записей, описывающих оружие и его количество до XV столетия. Например, один замок в Германии имел 6 аркебуз, 4 из которых были

настолько тяжелыми, что требовалось 6 человек, чтобы использовать их. В гарнизоне же было слишком мало человек, чтобы сделать это. Находящийся неподалеку замок Лейнфелз имел в распоряжении, по крайней мере, 2 работающие аркебузы и 2 стреляющих охотничьих ружья. Арсенал, который сегодня можно видеть в этом замке, с его впечатляющим количеством разнообразного оружия дает абсолютно неверное представление. Арсенал демонстрирует оружие, которое использовалось в турнирах и датируется XV-XVI вв. Превосходные комплекты вооружения, выставленные в коридорах замка, не использовались для обычных нужд, а были изготовлены ремесленниками для праздничных случаев. Очевидно также, что большое количество оружия стоило дорого.

"Многие руинированные замки и укрепленные жилища знати до сих пор стоят в местности вокруг Кибурга. В радиусе мили я мог бы показать вам около 70-ти древних замков, принадлежавших знатным семьям, которые большей частью были на службе Кибургских графов. Определенно, образ жизни этих людей был каким угодно, только не роскошным – в противоположность сегодняшней знати, – поскольку жили они среди животных на просторах полей. Если бы эта знать предавалась такой роскоши, как нынешняя, то земля этого района не смогла содержать их". Этот отрывок из "Хроники" Иоганна Стумпфа 1548 г. наглядно показывает, как нереально современное бытующее представление об образе повседневной жизни в замках. Идеализированные описания в рыцарских романах, так же как и ностальгия по прошлому, проецируют на средневековый период образ жизни аристократии раннего Нового времени. Ситуация, описанная Стумпфом, подтверждается археологической работой, которая проводится в последние годы. В

большинстве случаев замок был домом не более 10-ти человек, и все они должны были трудиться и трудиться, чтобы заработать на жизнь. В эпоху Средневековья крупные феодалы и землевладельцы проживали в своих сельских имениях. Здесь они жили и управляли своим хозяйством. Имение обеспечивало выживание семьи и поддерживало ее сносное существование, являясь основой ее силы и власти. Возраставшие доходы от уплаты налогов в деньгах или крестьянской продукции, давали возможность феодалам реконструировать свои укрепленные жилища. Замокостройки, поднятые на вершины холмов и символизирующие превосходство правящего класса, сделали очевидным различие в статусе феодалов и крестьян. В период, когда практика кровной вражды продолжалась и развивалась, улучшение осадной техники и фортификации шло рука об руку с экономическими и социальными переменами, что было совершенно необходимо для развития замка. Обычное преувеличение военной важности замка, в контрасте с его экономической значимостью, происходит не только из письменных источников. Физических свидетельств тоже предостаточно – с трудом можно обнаружить, какие – либо следы сельских сооружений вокруг замков, поскольку они были за стенами замков и построены из дерева. Более того, во многих случаях жилища для знатных семейств и их хозяйства были позже построены на месте прежних фермерских дворов. Так в Артенье дома, найденные в ходе археологических раскопок под насыпью ограды замка, были построены не как защитные сооружения и могли в свою очередь располагаться над более ранними сооружениями. Кроме этого, резиденции знати могли быть перемещены в город для более полного его контроля. При этом старое строение замка превращалось в ферму и могло сохраниться в хорошем состоянии.

Обычно двор фермы был своеобразным городом, который находился близ замкового комплекса чуть ниже его или располагался на пологой равнине у основания холма. Примером ферм, которые расположены ниже замка и датируются ранним Новым временем, можно считать постройку в замке Бернарда, находящуюся немного ниже крепости. Она была построена как аристократическое жилище в середине XVI в. Документы этого периода говорят об экономической стабильности, так же как и здания, предназначенные для хозяйственной различной деятельности, протекавшей в пределах жизни замка.

Каждому замковому комплексу нужна была земля и титул – то есть имение, которым феодал лично управлял, и за которым ухаживали по его распоряжению крестьяне. При замке был огород с овощами, травами и цветами. Средневековая поэзия часто упоминает "сад с деревьями, которые летом дают прохладу". В литературе такие сады служат еще и местом для куртуазных бесед и шалостей. Тенистый сад был подходящим местом для любовных свиданий, как можно видеть в поэме про Тристана и Изольду, где Изольда стелит постель в саду, перед тем как послать за своим любимым. Даже учитывая обязательную дань с крестьян, усилия феодала по содержанию своей семьи были намного значительнее, чем это обычно признается исследователями. Налоги с крестьян были правилом, но они всегда были недостаточными. В результате феодал был зависим от хорошего состояния и плодоносности своих садов и огородов. Поля, фруктовые сады и луга были настолько важны, что для того, чтобы разбить врага и нанести ему значительный урон, не нужно было разрушать его замок. Так, в 1309 г. небольшая группа солдат атаковала замок Грамоглиано. Они срезали все виноградники вокруг

и разрушили все сады, без всякой осады продемонстрировав свою воинскую доблесть. Вся феодальная экономика базировалась, по существу, на домашнем скоте и зерне, продажа которого в городе обеспечивала важнейший источник дохода. Экономика замка зиждилась на самодостаточности. В ней было необходимое число людей, производящих ремесленные изделия и орудия труда для повседневных нужд (плотники, прядильщики, кожевенники и ткачи). В замках мелкой знати с населением около 20 человек каждый житель, включая детей, должен был принимать участие в сельхозработах. Иначе обстояло дело в резиденциях земельной знати. Члены правящих семей не привлекались к работам и совершенствовались только в военном деле.

На примере Гориции (Крайна) можно видеть, как развитие ремесел способствовало тому, что замки становились важными центрами, вокруг которых постепенно развивались города. Географическое расположение замковых объектов показывает, насколько важны были для феодалов доходы от сельского хозяйства. Местоположение замков находилось в прямой зависимости от плодородности сельскохозяйственной земли, которая приносила основной доход их владельцам.

"Жизнь, полная удовольствий, какой я однажды жил и по которой я теперь плачу. Я живу против моей воли в моем замке, что усиливает мое одиночество. Мое единственное развлечение - это крики осла и павлина." Это автобиографическая хроника Освальда фон Волькенштейна – феодала из южного Тироля, умершего в 1445г. Она, бесспорно, является одним из ранних источников, создающих довольно реалистическую картину повседневной жизни обитателей замков, и служит прямым контрастом сложившемуся стереотипу утонченного,

экзальтированного и великолепного мира Средневековой литературы, в которой представлен величественный рыцарский идеал. Скудность информации о повседневной жизни в Средневековье и начале Возрождения всегда поощряла историков давать достаточно вольную оценку информации, почерпнутой в средневековой литературе. Вопрос о ценности литературных примеров как исторических доказательств не может быть решен только теоретически. Разумнее было бы признать, что теоретические умозаключения не дают нам возможности делать прямые выводы по поводу средневековой жизни только на основании примеров из искусства и художественной литературы. Кроме того, такие вопросы методологии абсолютно игнорируются до сих пор при описании придворной культуры XII-XIII вв. Неизвестно, могут ли литературные свидетельства служить приемлемыми источниками информации о придворной жизни, но верно то, что реалистического описания повседневной жизни небольших замков в подобных источниках практически нет.

В 1793 г. была опубликована работа Кристофера Мейнера "Историческое сравнение обычаев и указов, законов и традиций, торговли и религии, науки и образования Средних веков и всего этого в наше время с позиции достоинств и недостатков". Традиционная для своего времени, эта работа подчеркивала негативные аспекты прошлого. В эпоху романтизма образ Средних веков стал романтизированным благодаря литературе. В своей книге "Галантные герои" немецкий исследователь Иоахим Бумке акцентирует недостаток реализма в средневековой литературе. "На место зловещей бездушной реальности Средневековой жизни придворные поэты предлагали образ идеального общества,

лишенного того, что может сделать жизнь трудной и удушающей. Политический конфликт отсутствует. Люди стремятся к моральному и социальному совершенству. Этот нереальный образ средневекового общества был придуман в противовес реальности и должен интерпретироваться именно так. Принципиальной ошибкой прежних историков при описании средневекового общества и его культуры было то, что все попадали в эти поэтические конструкции и принимали их за реальность". Так же и жизнь в замке Священного Грааля, описанная Вольфрамом фон Эшенбахом, есть по сути свободное поэтическое превращение со своими Средневековыми идеалами. Его роскошные замки с огромными залами, сотнями рыцарей и изысканной обстановкой в реальности никогда не существовали. Наиболее цитируемые описания стекол в оконных проемах и восковых свечей в канделябрах показывают, что эти аспекты повседневной жизни были чаще только выражением того, чего в реальности люди не имели.

Хотя имеется очень мало свидетельств о повседневной жизни в замках раннего Средневековья, однако нет причин полагать, что условия ухудшились в поздний период, откуда происходят все источники. Если недовольство возрастало в позднее Средневековье, то это происходило из-за ухудшения условий жизни, тогда как в городах и крупных феодальных замках условия жизни были более развиты, в отличии от предыдущих столетий.

В пределах Священной Римской империи аристократия боролась с экономическими трудностями до Позднего Средневековья, стремясь достичь более высокого уровня жизни. Но дань с крестьян, основной источник доходов феодала, оставалась на прежнем уровне, тогда как стоимость денег неуклонно падала, а траты

чрезвычайно возрастали. Кроме того, эти экономические трудности отягощались обычаем разделять наследство. К примеру, в 1349 году Николай Бразаччо продал семье Коллоредо свою третью часть верхнего замка, в то время как его сестра продала свою шестую часть. Наследство брата и сестры было скудным, потому что крошечная территория домена уже была поделена между двумя замками. Наследство постепенно делилось на все более мелкие фрагменты, каждый из которых был чуть больше пары ферм.

Бок о бок с семьей владельца феодала в замках низшей знати проживали слуги, - редко когда их было больше десяти, - которые работали на кухне и в поле и которым могли приказывать помочь оборонять замок. Так, в замке Берверстейн в 1411 году был управляющий, который следил за финансами, человек, ответственный за доставку дров и провизии, два привратника при воротах, пастух и служанка. Таково было типичное замковое домашнее хозяйство. Имея так мало слуг, члены семьи были обязаны работать. В 1462 году жена феодала из замка Альтспаур была упомянута как работница на огороде, по дому и на кухне, хотя у нее был повар, служанка и горничная. В свою очередь, хозяин замка мог быть ответственным за домашний скот, как мы узнаем из документа, повествующего о тяжбе в Тагстейне, где крестьяне пытались помешать феодалу пасти его скот на общинной земле.

Таким образом, несмотря на отработки и дань с крестьян, феодал был вынужден работать, если хотел выжить. Правда, чтобы защитить благородство своего звания, он мог не выполнять ручную работу и не заниматься ремеслом, зато мог иметь интерес к купеческому делу и продавать продукцию, произведенную в замке - скот, овощи, вино, зерно, воск, кожи, ремесленные изделия. Сельское

хозяйство играло столь решающую роль в выживании феодала, что, несмотря на близость врага, рыцари в ополчении часто вынуждены были просить у своего предводителя позволения вернуться домой, чтобы возделывать свои поля. Даже в то время современники отмечали существование необычайной пропасти между идеализированной жизнью рыцарей в литературе и реальностью. В XV веке Зифрид Хелбинг рассказывает историю пажа при венском дворе, который был изумлен, услышав разговор двух рыцарей. Вместо того чтобы беседовать о прекрасных дамах и великолепных турнирах, они обменивались советами о том, как выкармливать скот и как добиться, чтобы корова давала больше молока, обсуждали также увеличение урожая, и какую прибыль может принести вино этого года.

Жизнь в замках сельской знати очень отличалась от жизни в роскошных замках территориальных князей. Большие замки имели выгоду от растущего богатства городской буржуазии и процветающей в городах торговли. Такие замки давали возможность вести изысканную жизнь, и даже мелкие рыцари могли принимать в ней участие. Чтобы освободиться от тяжести экономических трудностей, феодалу нужно было поступить на службу к сеньору или нести военную службу. Типичный пример – жизнь Вилвольта фон Шаумберга, описанная около 1500 года. Не имея наследства, Вилвольт представился ко двору маркграфа Бранденбургского, известному своим царственным великолепием. Здесь он проявил себя военачальником с блестящими способностями и заслужил звание верховного главнокомандующего. В конечном итоге он с почетом уволился с военно-административной службы. Приобретя, таким образом, состояние, он выкупил у кредиторов фамильный замок и построил на его руинах новую резиденцию. Его

биограф рассказывает о прекрасных стенах, башнях, рвах с водой, крепостных валах, больших натопленных залах и о часовне, посвященной его предкам, память о которых должна была храниться до тех пор, пока стоит замок. Похожий случай был и во Фриулии, в области Дуино. Здесь два замка были расположены рядом, один, на скалистом уступе над морем, - руинированный, другой – до сих пор обитаемый. Старый замок – типичная раннесредневековая конструкция. Чтобы извлечь максимум преимуществ из местоположения и естественной защищенности, положение его было выбрано таким образом, чтобы в то же время оно удовлетворяло скромным потребностям его владельца в пространстве. В целом конструкция сооружения представляла собой необычайно неприступную резиденцию главы феодального рода. Хотя архитектура средневековых элементов замка Дуино относится к периоду первой половины XIII века, планировка второго более современного замка указывает на конец XIV столетия. Прежние феодалы Дуино были вассалами герцогов Фриульских. Кроме этого, замок не был аллодиальным и, следовательно, не принадлежал полностью феодальной семье. Сверх того, подвластная замку территория не была обширной. При этом, находясь в вассальной зависимости, феодалы Дуино пытались играть роль независимых полновластных владык. Они часто нарушали клятвы в верности герцогам Фриулии, объединяясь против них с графами Гориции и с Габсбургами. К тому же, на протяжении XIII-XIV столетий никто из владельцев Дуино не имел надежного финансового положения. Семейные хроники говорят о постоянных долгах и имущественном разорении, что было нередким явлением в жизни феодалов того времени. Новый репрезентативный замок в Дуино, возведенный его новым

владельцем – другом императора, с его изысканной церемониальной жизнью явился образцом нового стиля жизни, отличного от прежней повседневной жизни феодала. Но следует учитывать и тот факт, что современники этого феодала, не достигшие такого положения, продолжали скромно жить в своих небольших замках, размер которых сопоставим с размерами старого замка Дуино.

Пример Дуино показывает, что невозможно обобщить представления о повседневной жизни замков. Существовала огромная дистанция между большими феодальными замками, как новый замок Дуино, и более простыми и часто невзрачными слабо укрепленными жилищами мелкой и средней сельской знати, которых было большинство и которые в ряде случаев мало, чем отличались от домов состоятельных крестьян.

Хотя сельские сооружения и внешние стены были важны для хозяйственной жизни и защиты от опасности, реальным центром замкового комплекса была резиденция феодала. Первоначально это была самое простое укрепленное сооружение – башня, внутри которой было несколько комнат, по одной на каждом этаже. Со временем потребности в жилых помещениях возрастали, поскольку ограниченного пространства, в которое были втиснуты живущие вместе хозяин и слуги, было уже недостаточно. Замечательное описание, данное Ламбертом фон Ардресом в XIII в., дает возможность понять, каким незатейливым мог быть замок, принадлежавший знати и считавшийся роскошным. Ламберт описывает просторную башню. На первом этаже были склады для зерна, с сундуками, бочками, лотками, орудиями труда и хозяйственной утварью. На двух верхних этажах были комнаты и зал, который делили все обитатели, а также склады

для провизии и большая комната, где спали хозяин и его жена. Рядом находились комнаты слуг. Количество комнат не отражает реальных размеров здания. Все комнаты на этаже заключены в неровный квадратный периметр башни со сторонами не более 20 метров. Комнаты были маленькими и темными, с точки зрения современных стандартов. Даже в этом знатном замке его обитатели вынуждены были жить в довольно стесненных и беспорядочных условиях. Особенно наглядный пример комплекса жилых помещений представляет собой башня и дворец замка Партистагно. Размер основания жилой башни, датируемой примерно 1100 годом, составляет 8x9 метров. Возможно, она была окружена внешней стеной, остатки которой видны на насыпях ниже замка. В позднесредневековый период темная и тесная башня оказалась недостаточной для жилья. К ней был пристроен более величественный дворец. Он больше известен под именем "Нижний замок". Местоположение нового дворца было выбрано так, что первоначальная башня, хотя и не очень высокая, тем не менее, возвышается над крепкими стенами новой дворцовой постройки с прекрасными готическими окнами. В результате концентрируется архитектурная масса и обеспечивается эффект единства содержания, что характерно для замков позднего Средневековья. Новый замок Партистагно имел все недостатки, и преимущества укрепленных жилищ знати своего времени. Внутри было достаточно пространства для хозяйских комнат, которые могли быть на верхних этажах, как это обычно делали в башнях. По контрасту с недостаточной освещенностью, которая была присуща старой башенной постройке, интерьер нового дворца был ярким. Через характерные готические окна с пристроенными сидениями хозяин мог наслаждаться великолепным видом сельской

местности. Стекла не использовались в окнах замков вплоть до позднего Средневековья, и в замке Партистагно также нет намека на существование оконных рам. Стекла и их монтаж стоили по тем временам очень дорого, и только немногие аристократы могли позволить себе такую роскошь. Обычно окна закрывались зимой деревянными досками или кожей, склеенными смолой или салом. Таким образом, замки были холодными и продуваемыми, темными и закопченными. Практически это было присуще всем жилищам того времени. При этом их владельцам такие условия не могли казаться неприятными или необычными.

Освещение в комнатах обеспечивалось с помощью просмоленного дерева или факелов, которые горели дольше, но при этом сильно коптили. Их помещали в кольца на стенах или в канделябры на столах. Другим распространенным способом освещения были масляные лампы, найденные в большом количестве при археологических раскопках в руинированных замковых комплексах. Сделанные из терракоты, используемые с древних времен, они представляли собой фитиль, плавающий в сале или жире. От них было мало света и много сажи, но горели они дольше. Мало кто из феодалов мог позволить себе восковые свечи, которые горели быстро и стоили гораздо дороже. То, что они расценивались как роскошь, можно видеть из описания, данного миннезингером Вольфрамом фон Эшенбахом замку Священного Грааля: в зале с 400 рыцарями пылали 100 ламп и бесчисленные свечи на стенах.

Таким же важным, как освещение было отопление. Наиболее употребительным был камин с дымоходом. Итальянское слово "camminata" и немецкое "kemenate" восходят не столько к самому очагу, сколько указывают на

жилую зону феодальной семьи вообще. Еще позже оно стало означать комнату хозяйки. Другим решением проблемы обогрева неуютных малокомфортных замковых комплексов было сооружение из дерева маленькой комнатки в пределах большого помещения. Толстые деревянные стены держали тепло, идущее от огня или жаровни, более эффективно, чем каменные стены. Возможно, именно такие комнатки, найденные даже в королевском замке Карлштейн около Праги, дали начало отделке каменных стен деревянными панелями, что было распространено еще да недавнего времени.

Рядом с кладовыми и жилыми помещениями в Средние века и эпоху Возрождения каждому замку необходимо было иметь санитарные удобства, важнейшим из которых было отхожее место. В большинстве случаев они располагались на северной стороне замка, где тень и ветра должны были ослабить распространение запахов. По своему внешнему виду они были ничем другим, как одним из видов множества наблюдательных башенок с каменной площадкой для сидения и круглым отверстием внизу. Часто это могла быть ниша (углубление) в толще стены, размещенная над желобом (воронкой), спускающимся к подножию стены, откуда нечистоты время от времени удалялись речной протокой. Наиболее интересным примером служит замковый комплекс в Монтфальконе (Фриулия), где было сооружено десять отхожих мест, расположенных с одинаковым интервалом внутри круглой замковой постройки таким образом, что они хорошо были заметны снаружи. Наиболее внушающим доверие объяснением такой эксцентричности может быть намерение хозяина замка впечатлить врагов многочисленностью гарнизона. Это, пожалуй, один из редких случаев в замковой архитектуре, когда

отхожее место было наделено символическим значением силы и мощи замка, а, следовательно, и отпугивания врага. Но чаще всего предпочиталась эркерная форма средневековых туалетов, которые создавались преимущественно над ручьем, который служил в данном случае аналогом городских сточных канав.

Назначение этих маленьких пристроенных наверху стен часто неправильно истолковывается исследователями замков. Многие из них, например Х. Мрусек или Д. Менцлова, часто убеждены, что они использовались для того, чтобы лить смолу и кипящую воду на врага, тогда как само расположение этих объектов указывает на то, что они были либо водостоками, либо туалетами.

Несмотря на то, что понятие личной гигиены, конечно, очень отличалось от такового в наши дни, владельцы феодалов все же любили мыться и принимать ванну. Следуя примеру общественных бань в городах, многие замки имели баню или хотя бы ванную комнату. Она располагалась на первом этаже и имела каменные перекрытия, поскольку влажность и конденсат могли вызвать гниение балок деревянных перекрытий. К сожалению, большое число ванных комнат, упоминающихся в описях и счетах, начиная с XIII столетия и дальше, особенно в позднем периоде Средневековья и в эпоху Ренессанса, резко контрастирует с количеством сохранившихся до настоящего времени. Даже если бы ни одна ванная комната не сохранилась, все равно по найденным документам и рукописям можно было составить представление, что купальни имелись даже в маленьких замках. Иногда это вообще была единственная обогреваемая комната в замке. Подтверждением этого может служить изложенный И.Бумке средневековый рассказ о слуге, посланном в ванную комнату позвать господина. Обрадованный

неожиданной возможностью принять теплую ванну (очевидно, после хозяина), он разделся и вошел туда, представ перед всеми домочадцами, которые были полностью одеты и грелись вокруг огня.

Помимо уже упоминавшихся каминов и оконных проемов были и другие способы сделать эти голые малообжитые помещения более комфортными. Полы на первом этаже были каменные, такими же они могли быть и на верхних этажах, если поддерживались сводами. В противном случае их делали деревянными. Декоративная облицовка полов каменными плитками в замках использовалась с XII в. Зимой холодные полы застилали шкурами или коврами. Знать победнее использовала для этих целей солому или мох. Для решения извечной проблемы с насекомыми всюду в замках рассыпали душистые травы, а в особенных случаях – цветы. Внутренние стены были побелены из соображений гигиены. В исключительных случаях они могли быть украшены фресками. К сожалению, до нас дошло мало документальных и вещественных свидетельств о том, каким было убранство комнат в замках Средневековья. Вся мебель и обстановка, представленная сегодня, датируется, как правило, не ранее, чем Ренессансом, временем радикальных изменений, когда начала доминировать городская культура (особенно в Италии).

Немецкие историки считают концом Средневековья и началом Возрождения Реформацию или падение Константинополя (1453 г.). В княжествах Священной Римской империи, эта дата, примерно 1500 год, действительно совпадает с началом Ренессанса – новой эрой, одной из кульминационных пунктов становления и развития буржуазной культуры и, наряду с утверждением

центральной власти правителя, с созданием современных национальных государств. Этот период знаменует конец средневековой системы децентрализованной власти, опиравшейся на укрепленные замки. Реконструкция интерьера замка еще более осложняется и иными проблемами, так как повседневная жизнь подвергалась значительным изменениям между 1200 и 1500 гг. Несмотря на то, что эти перемены более всего были заметны в городах, в замках феодальной знати они тоже ощущались. Если быть предельно точными в исследовании мебели и обстановки замка, то представляется далеко не статичная картина, а ряд развивающихся во времени образов. Однако при недостатке доказательной базы подтвердить это довольно сложно. Кроме того, нужно точно учитывать различные ситуации. Жизнь в крупном замковом комплексе была совсем не такой, как в маленьком замке. Равным образом, невозможно делать выводы о жизни в укрепленном замке, рассматривая повседневность городских обитателей. Городской дом в позднем Средневековье и в раннем Новом времени существовал в особой среде. Его отношение к замку заключалось во взаимодействии, эволюционировавшем во времени.

Говоря о мебели и обстановке, можно утверждать, что замки не были голыми и пустынными. Некоторые из них, принадлежавшие крупнопоместной знати, были богато украшены и обставлены, но все же это не были типичные примеры средневековых замков. Повседневная жизнь в замке при ее внимательном рассмотрении была довольно унылой. Такой взгляд подтверждается жалобами и недовольством владельцев замков в позднем Средневековье. Два века раньше, когда укрепленные замки были новым явлением в обществе, создавали престиж его

владельцу, жизнь в них, должно быть, казалась достаточно удобной. И не потому, что знать хотела жить более комфортно, – наоборот, редкие реконструкции первых замков показывают, что в XI-XII вв. жизненное пространство было ограниченным и тесным, часто включая несколько комнат, располагавшихся одна над другой в башенной постройке, почти не имеющей окон. И все же знать была счастлива иметь такие укрепленные жилища, которые служили символами власти и были комфортны и даже роскошны в сравнении с условиями жизни прочих людей. В то время когда замковое зодчество в Европе еще только развивалось, вероятнее всего, жизнь в них не только основывалась на идеалах рыцарства, но и стала испытывать влияние урбанистической культуры городов, которые начинали тогда развиваться. Любой горожанин с честолюбивыми устремлениями строил или выбирал для своего жилья башню, очень похожую на замок.

Немного можно сказать об убранстве замков раннего периода, поскольку до нас не дошло ни одного свидетельства. Представляется возможным, что в XIII, XIV и в XV столетии, обстановка была крайне простой и непритязательной. Что касается позднего Средневековья, то здесь можно говорить о переходном периоде. Расцветала и городская, и придворная жизнь. Благодаря развивающейся торговле, росло благосостояние людей, в то время как идеалы рыцарства определяли светскую культуру, и это влияло даже на буржуазию. Это был период, когда скромные городские дома постепенно превращались в первые дворцы. Жилища становились более разнообразными. Замки участвовали в этом процессе развития, как видно по их остаткам. Со времен позднего Средневековья частное жилье постепенно становилось все более важным. Замки стали лучше

освещаться, они становились все более гостеприимными, нежели суровыми, и гораздо более просторными. Выдающийся пример, такой как императорский замок Кастель дель Монте, построенный в середине XIII в., имел уже много больших залов, позволяющих разместить в них великолепный двор. Однако не вполне ясно, как эти комнаты были обставлены. Судя по церковным и светским манускриптам, помещения были со вкусом украшены с использованием ярких оттенков и многоцветных орнаментов. То есть не находится подтверждения тому, что замок Фридриха II имел суровое обличье, как можно видеть сегодня. Однако, не имея конкретных свидетельств о мебели и убранстве этого периода, едва ли можно делать хоть сколько-нибудь определенные заявления о том, что и как здесь было в реальности. Картина начинает проясняться, только начиная с позднего Средневековья. Именно в это время в культурной жизни произошли значительные изменения. Города достигли беспрецедентного уровня развития благодаря растущему благосостоянию, созданному процветающей торговлей. Период великих географических открытий принес в Европу дешевое колониальное золото, которое способствовало ее экономическому подъему.

Но, только начиная с позднего Средневековья и раннего Возрождения, дошли сведения, которые позволяют сделать предположение об интерьере замков. Именно в это время в культурной жизни произошли фундаментальные сдвиги. Европейские города достигли беспрецедентного уровня развития благодаря растущему благосостоянию, созданному процветающей торговлей. В результате развития цехового мастерства стал возможен квалифицированный труд и высокое мастерство различных ремесленников. Способствовали расцвету городов и

постоянные торговые отношения со странами Востока, откуда европейские negociанты стали привозить изысканные материалы. В это время искусство интерьера, мебельное искусство было поднято на новую эстетическую высоту, что вело к огромным денежным затратам городских патрициев. В результате стиль жизни в городах стал образцом для владельцев замковых комплексов, как это можно наблюдать в случае с замковыми купальнями. Такова была экономическая и социальная подоплека растущего недовольства феодалов по поводу примитивного прежнего убранства и образа жизни, превалировавшего в их замках. Но это недовольство не относится напрямую к ухудшению условий жизни феодальной знати. Скорее дворянство завидовало жизни богатых купцов, жизни, которую они не могли себе позволить. Поэтому неудивительно масштабное переселение знати из провинции в города. По началу горожане противились этой тенденции, опасаясь, что феодальные владыки и рыцари вызовут распри и беспорядки. Однако постепенно феодалы были приняты. В результате в городах начинается активное дворцовое строительство феодальной знатю, которое преобразило внешний вид городов, и способствовало их процветанию. Поначалу в силу сословных предрассудков для малоимущих феодалов было сложно уступить соблазну зарабатывать средства торговлей и сбытом товаров. Правда состояла в том, что скромные доходы от земель и феодальных сборов едва ли могли покрыть их издержки от городской жизни. Со временем (вторая половина XIV-XVII вв.) феодальные властители начинают вести активную торговлю пряностями, солью, рудой, а некоторые занимаются ювелирным искусством. Примером этого может служить дворянский род Турзо в Верхней Венгрии (Словакия), богатств о которого

напрямую проистекало из торговли железом и солью с австрийскими и чешскими городами. Однако, в основной массе, феодалы вынуждены были распрощаться с надеждами на обогащение из-за того, чтобы сохранить свой социальный статус и дворянские привилегии. В соответствии с вассально-ленными отношениями вместо переселения в города, они были обязаны оставаться в своих замках, хотя при этом, и не имели достаточно средств, чтобы богато и комфортно украсить мебелью и гобеленами свои жилища. Бедные по сравнению с их городскими современниками, они имели основания быть недовольными своей грубой сельской жизнью, жизнью, которая не имела ничего общего с идеалами рыцарства из куртуазных романов. Их материальное положение должно было казаться им гораздо худшим, чем в прежние времена, и поэтому они ностальгировали по ушедшему прошлому.

Очень мало осталось вещественных свидетельств, чтобы дать представление о том, как выглядела мебель в замках XIV-XVI вв. Те сундуки, скамьи и столы, которые появляются в каталогах выставок, посвященных позднесредневековой Европе, принадлежали в основном высшей знати. Эти предметы мебельного убранства могли быть найдены в крупных замках земельной аристократии или в домах городских патрициев. Поэтому они не могут представлять реально замковую мебель или средневековый интерьер в широком смысле. Те немногие экземпляры, что сохранились, выглядят примитивными с точки зрения современного вкуса, хотя для своего времени они, должно быть, были исключительной роскошью. Чтобы составить представление, что могло находиться в родовом замке знатного человека в позднем Средневековье, мы должны

представить себе предметы домашнего обихода, которые тогда были намного проще и грубее. Жители замка сидели на скамьях за простыми столами, которые легко можно было передвинуть, так как столешницы обычно покоились на козлах или другой подвижной опоре. Простота такой мебели подтверждается тем фактом, что она практически ни где не сохранилась, и без сомнения, она не стоила того, чтобы владельцы замков ее берегли. Отсутствие средневековой мебели в замках можно сопоставить с отсутствием, каких – либо упоминаний о мебели в литературе того времени. Мебель была не особо важна для феодального владельца, она не была желанным предметом роскоши. Если бы она присутствовала, то могла бы быть упомянута в поэтических рассказах при описании великолепных замковых залов. Можно только догадываться, какая мебель была в замковых комплексах. Кресла, стулья, табуретки и подушки для сидения были, несомненно, редки. Шкафов не было. Вместо них использовали сундуки для хранения и сбережения, ценных вещей, фаянсовой посуды, и, кроме того, документов, удостоверяющих права феодала. В стенных нишах могли находиться пристенные столики, примитивные предшественники полок. Примером этого может служить кодекс графа Фалькенштейна-Неубурга, относящийся к концу XII в., который содержит самую раннюю инвентарную опись знатного укрепленного жилища. Он свидетельствует о суровости и скудности замкового убранства. Писарь не зарегистрировал ни одного предмета мебели, зато подробно перечислил шесть кубков с крышками, три серебряных стакана, пять серебряных чаш и две серебряные ложки. Среди других предметов он указал 15 комплектов рыцарских доспехов, 8 металлических перекладин, 60 пик, 4 шлема, 6 труб, и, наконец, 3 стола для игр и 20 стеганых

одеял. Кровати – единственный предмет мебели, упоминающийся в письменных источниках. Свидетельством огромной ценности этого предмета обстановки является такой факт: в 1189 году, перед тем как отбыть в крестовый поход, император Фридрих Барбаросса получил дар от королевы Венгрии – «кровать, украшенную великолепно орнаментированными валиками и роскошным покрывалом, вместе с прикроватными креслами из слоновой кости и подушками для сидения в них». Подобные кровати описываются в поэтической литературе и присутствуют в изображениях того времени.

Более детальную картину жизни в замках можно рисовать, только начиная с 1500 года. К примеру, хорошо сохранился во Франконии подробный список убытков, причиненных Крестьянской войной. В нем перечисляются вещи из ткани, в частности льняное постельное белье. Возможно, имевшиеся кровати были комфортными в большинстве более скромных замков, судя по «ленивой кровати» Кристофа фон Зеккендорфа, которая состояла из тонкого перьевого матраса и подушек для сидения. У него также было стеганое одеяло и 12 пар простыней, общей стоимостью 62 золотых флорина, что равноценно стоимости небольшой фермы. Однако не стоит представлять, что во всех замках были такие дорогие кровати. Большинство обитателей и владельцев небольших замков, включая слуг, спали в основном на соломенных тюфяках. Только в 6 из 58-ми замков Франконии перечислены убытки, причиненные Крестьянской войной, о чем упоминают источники. В одном случае это была библиотека, состоявшая из Библии, текстов канонических правил, травника, собрания легенд и томика рыцарской поэзии. В другом – резной шкаф для серебряной посуды. Но нельзя совершать ошибку,

полагая, что ситуация, имевшая место в Средневековье, похожа на ситуацию начала XVI века. До этого времени условия жизни феодалов были гораздо проще и грубее, если не сказать примитивнее, особенно в сельских замках мелкопоместной знати, которая составляла большинство в Европе.

Исследования и публикации об европейских замках мало помогают разобраться в проблеме фресковой живописи в замковых комплексах. Некоторые зарубежные авторы (Бергамини "Castelli") претендуют на то, чтобы взять за образец средневекового замкового искусства фрески некоторых аббатств и церквей. В то время как те немногочисленные примеры изобразительного искусства, которые найдены в замковых постройках, больше относятся к раннему Новому времени. Примером этого могут служить ренессансные фрески в замке Спилимберг (Крайна) или живописное убранство в центральном зале замка Удино работы мастера Помпонио Амальтео, как образец венецианского вкуса. Отличительной особенностью вышеперечисленных замков было то, что они принадлежали высшей земельной знати, которая старалась роскошью интерьера продемонстрировать свое богатство и значимость в обществе. Но поскольку искусство обычно отражает не только уровень культуры, но и уровень благосостояния, то можно сделать вывод о том, что работы по украшению замковых комплексов во все времена имели для большинства небогатых феодалов минимальную значимость. Кроме этого, нельзя искать параллели между религиозным искусством и светским украшением зданий. В дворянских семьях было принято отдавать младших детей в религиозные различные ордена, где они воспитывались в специфическом культурном окружении. Отношение к светскому искусству в Средние века было иное, нежели к

религиозному, которое имело большую значимость, и ценность в обществе того времени. Фресковая живопись если и имелась в укрепленных резиденциях аристократии, то размещалась в основном в замковых часовнях. Практически не сохранилось ни одного примера светской живописи в средневековых замковых интерьерах. И нет ничего, что указывало бы на ее существование вообще. Как уже говорилось, единственное исключение – замковые часовни, которые, скорее всего, должны рассматриваться в контексте религиозного искусства, нежели как пример украшения внутренних стен в замковых постройках. Позднесредневековые росписи в укрепленных жилищах высшей знати и в домах городских патрициев, безусловно, были, но делать на их основе какие – либо выводы о художественной повсеместной деятельности в замках затруднительно.

Проблема может быть разрешена, только если помнить об отношениях между городом и замком в позднем Средневековье, отношениях между буржуазной культурой и аристократической. В Средние века знать, так же как и их замки, была своеобразным эталоном для бюргеров и городских патрициев. Об этом красноречиво свидетельствуют не только рыцарские турниры, устраиваемые городами, не только башни, возводимые патрициями для своего жилья, но и литература того времени, где тема куртуазности и рыцарства всегда выступает на первый план и интерпретируется в художественных образах в убранстве комнат. В эпоху Ренессанса в искусстве начали появляться новые тенденции, исходящие от гуманистов Возрождения. В этот период появляется живописный светский цикл, как пример художественного обновления.

Замки – это центры и наиболее яркие явления европейской

средневековой архитектуры. В них творилась история европейских стран. Они были, по мнению Кикеро (Cicero), "наставниками жизни, светом времен". История любого замка заключена в контекст эпохи, которая социально и политически находит выражение в архитектуре. Архитектурное сооружение отражает способ понимания мира и организации жизни. Поэтому европейский средневековый замок – это олицетворение иерархии общества, в котором существуют правители и вассалы. Кроме того, замок являлся символом экспансионизма и колонизации.

Замок выполнял много функций. В первую очередь, он был оплотом правовой системы феодализма в европейских странах. В некоторых замках жил сам суверен. Другие королевские замки он мог отдать под ленные поместья. Были также замки, в которых одновременно проживало до сотни владельцев-феодалов, происходивших из одного рода и выполнявших определенные обязанности, которые были возложены на них королем вместе с соответствующими правовыми полномочиями. Некоторые феодалы добивались при этом печальной юридической привилегии - им было разрешено строить в своих замках виселицу. Она символизировала то, что право наказания (право меча) находится в руках феодала. Замки, точно так же как и расположенные вокруг них подвластные земли, отличались тем, облагались они налогами или нет, отданы они были как ленные владения или как свободные от податей поместья. Замки покупали и продавали, из-за них спорили и враждовали. Иногда ими завладевали незаконно (не по феодальному праву), и за этим неминуемо следовали правовые распри и вооружённая борьба.

Однако первоначально замки появляются как выступающие вперед укрепленные форпосты на завоеванных или колонизированных территориях. Они служили дозорными постами для новых поселений, например, после того как области были покинуты исламскими властителями. Как только замок в одной из таких областей, которая вновь должна была быть заселена, был сооружён, к нему переходили ещё и другие функции, в частности административные. Он превращался в основной центр мероприятий по заселению местности: он притягивал новых жителей, здесь им предоставлялась новая земля, которую они должны были обустроить. Кроме того, феодал старался заинтересовать нужных мастеров и ремесленников переселяться в его новые владения, для того чтобы они стали служить новому поселению и замку. Помимо этого на освобожденной от исламского влияния территории должны были быть организованы в соответствии с феодальным порядком управление и правосудие для подвластного населения. Как правило, замок располагался на самом высоком и видном месте, а его капелла часто могла выполнять функцию приходской церкви. С течением времени на склоне холма или скальной возвышенности вниз до равнины ступенчато строились дома местного населения, образуя в итоге небольшие городки или поселки при замковых комплексах. Если ленное поместье располагало достаточными средствами, сооружалась обводная стена, которая должна была окружать и защищать все поселение. Она начиналась и заканчивалась в большинстве случаев у стен замка. Иногда король предоставлял особое право или вид поселенческого письма, которое давало новым поселенцам привилегии экономического и политического характера. Временами паломники, которые держали свой путь издалека по дороге к святым

местам, находили в таких поселениях подходящее место для жилья и оседали здесь. Они становились независимыми от страны, из которой были родом, и считались уже свободными. Иногда все они селились на одной и той же улице или образовывали свой собственный район или квартал. Таким образом, замок становился своеобразным ядром всех новых поселений, распространяя на них свой феодальный статус и предавая им, облик укрепленного поселения, который и до сегодняшнего времени сохраняется в неизменном виде. В результате, укрепленные замки, которые с высоты своего положения, доминируя над местностью, должны были править населенными центрами, являлись урбанизированными культурными центрами.

Почти каждый европейский замок имеет многовековую историю строительства. Эти укрепленные сооружения неоднократно перестраивались в духе времени, сочетая в своем облике слои различных, зачастую противоречивых культур. Под влиянием определенных исторических условий замок выполнял свои защитные и представительские функции, которые менялись с течением времени, и поэтому не соответствовали единому плану строительства. Только в редких случаях можно отнести замок к романскому или готическому стилю. В этом случае замок сооружался за короткое время и был наделен характерными чертами художественного стиля своего времени.

Планы основных замковых комплексов определялись в основном особенностями рельефа. С течением времени в разной степени удаленности от основного замкового ядра возникали новые оборонительные элементы. К таким элементам относятся скрытые ходы, проложенные в толще крепостной стены, и

башни, возведенные на опасных направлениях с внешней стороны крепостной стены. Композиции замков значительно отличаются друг от друга различными комбинациями жилых и наблюдательных башен. Примером этого могут служить замки Испании и Португалии, испытавших влияние римской военной архитектуры. Римские укрепленные военные лагеря со времен завоевательных походов определяли планировку городов, окруженных защитными стенами с выдающимися вперед круглыми или квадратными башнями, которые располагались друг от друга на равных расстояниях. Римляне оставили после себя также несколько обороноспособных зданий, внешне представляющих большую прямоугольную многоэтажную башню – резиденцию (Praetorius de Augustus в Таррагоне). Между этой башней, сохранившейся с римских времен, и мощной главной башней (донжоном) эпохи французского средневековья есть только небольшие отличия, а именно зубчатые завершения башни, расположенные на консолях. Античные крепости напрямую повлияли и на сооружение укреплений, которые служили убежищем сельским жителям в тревожные времена. Такие сооружения создавали вестготы в течение трех столетий до арабского нашествия, используя полученные от римлян строительные навыки. Хотя при этом они и сооружали некоторые интересные и самобытные храмы, но в отношении укреплений ограничивались тем, что ремонтировали то, что осталось от римских времен, или строили по римскому образцу. Помимо этого, в различных местах Иберийского полуострова находятся укрепленные постройки вестготов, возведенные из тесаных камней меньших размеров, чем римские, но точно соответствующих им по форме. Каменные квадры такой конфигурации позже стали использоваться при возведении стен феодальных

замков. Большое влияние на сооружение христианских замковых комплексов оказала и арабская крепостная архитектура, ведущая свое начало со времен знаменитых стен Вавилона и Тиринса. Это влияние проявилось в строительстве замков, занимающих значительную территорию, а также в создании стенных и башенных зубцов килевидной или ступенчатой формы, в декоративных элементах внутренней отделки, напоминающих исламскую письменность.

Арабские завоеватели сооружали свои укрепленные центры в Южной Европе скорее для того, чтобы утвердить себя среди населения, которое было враждебно настроено по отношению к ним из-за расовых и религиозных отличий. Основным типом исламских укреплений того времени является Алькасаба, схема, которой является производной от византийских цитаделей. Алькасаба - это окруженное стеной, регулярное укрепленное сооружение больших размеров, которое дополняется выдающимися вперед башнями, располагающимися друг от друга на равном расстоянии. Эти башни одинаковы по форме и высоте, одни имеют круглое, другие квадратное сечение. Пространство внутри стен не было продумано должным образом для размещения значительного числа людей во время военной угрозы, поскольку здесь находилось немного жилых зданий, в основном предназначенных для правителя и небольшого гарнизона.

Характерным примером Алькасабы является крепость Бонос де ла Энсина (Жаен, Испания) с квадратными башнями времен позднего халифата, о чем свидетельствует найденная там табличка с надписями, которая сегодня хранится в Мадридском национальном археологическом музее и датируется 986 годом. Алькасаба не претерпела дальнейших изменений после завоевания этой территории

христианами; они только дополнили ее традиционной главной жилой башней (донжоном). Внутри Алькасабы мог быть сооружен дворец с садами и прочими удобствами. В результате, на территории Пиренеев возник исламский крепостной дворец, который назывался Алькасар. Этот укрепленный дворец явился одним из важнейших явлений в культуре исламского мира, развитие которого на Пиренейском полуострове можно проследить параллельно с развитием истории ислама.

С течением времени строительство крепостей на Иберийском полуострове расширилось. Образовалось дворянство на независимых от мусульман северных территориях, возникли вассально-ленные отношения, постепенно сложилась общественная иерархия. Главная жилая башня (донжон) являлась символом этой структуры и называлась, поэтому башней почета или почтения, так как именно в ней вассалы приносили клятву своему господину, со стороны которого они в ходе такой же церемонии получали обещание, что он защитит их в мирное время и во время войны.

В планировке и декорировании стен некоторых замковых объектов проявилось культурное влияние сакральных сооружений. Примером может служить Калатравский замок (Испания). Расположенный в неприступном месте на гребне скалы, замок стал центром рыцарского ордена. На фасадной стороне церкви замкового комплекса можно обнаружить типичные для цистерцианской архитектуры розетки, так как духовно - светский орден подчинялся строительным правилам святого Бернада.

Замки военных орденов отличаются от королевских и

частновладельческих замков не только элементами культовой архитектуры, но и оформлением их как мужской резиденции, куда женщины не имели допуска. Помещения таких замковых построек напоминают монастырские здания. В орденских замках был зал для собраний, и часто отсутствовала крытая галерея. В их строгом архитектурном стиле узнается прямое влияние цистерцианцев.

Активное проявление исламской культуры на Пиренейском полуострове придает испанскому искусству Средневековья и Возрождения особый характер. Это напрямую выразилось тем, что в строительстве христианских замков повсеместно участвовали мориски, оставшиеся в отвоеванных христианами областях, чтобы жить там и работать. Речь идет о выдающихся мусульманских зодчих и конструкторах, у которых было совершенно оригинальное понимание строительного материала и декора, не характерное для христианских строителей. Они строили постройки из обожженного кирпича, украшали поверхности фантастическими линейными рельефами и отделывали деревянные потолки изобретательными геометрическими формами. При этом увеличивалось изящество линий за счет золотых и цветных опор, а также за счет выделяющихся на общем фоне полихромных кафельных плиток (изразцов). Так возникает мудейское искусство, в котором мориски интерпретировали христианские стили от романского до Ренессанса в соответствии со своими представлениями. Оно напрямую проявилось при возведении многочисленных феодальных замков, построенных на Иберийском полуострове в последние годы XV столетия. Важнейшими инициаторами этого процесса стали члены знатного рода Мендоза при активном участии мусульманских строителей. Примером может служить замок Мансанарес эл

Реал. Этот замок демонстрирует удивительный гибридный стиль, который объединил в себе блеск поздней готики и декоративное изящество мудеярского стиля. Другой замок Мендозы Калахорра (Андалузия), построенный в 1512 году, представляет собой горизонтальную конструкцию с мощными круглыми угловыми башнями, которая своим угрожающим и подавляющим видом напоминает средневековые оборонительные сооружения. Но внутри замковой постройки уже находится великолепный внутренний двор, увенчанный полукруглыми арками и классическими капителями, что напрямую указывает на влияние Ренессанса.

Те европейские замки, которые выполняли свойственные им военные задачи, пока они еще располагались в областях, где шли сражения, ремонтировали и расширяли, причем при их реконструкции видно одновременное присутствие разных архитектурных эпох. Примером этого является замок Парталлада (Жирона, Испания). Полностью сохранившиеся, но почти заброшенные стены и башни построены из простого обожженного кирпича. Чуть ниже расположенный дворец позволяет увидеть последствия влияния разных стилей. Дворцовая постройка имеет простые готические окна, а также полихромные балочные перекрытия с мотивами рыцарских гербов. Во многих залах обнаруживается лепной декор в мориском стиле. Мудеярские мастера были доставлены специально для этой работы из Арагона или из далекой Кастилии. Мусульманское влияние в архитектуре ярко проявилось и в Наварре. Короли Карл II Злой и Карл III Благородный, происходившие из французского рода Эвре, повелели покрыть башенный фронтон своего замка Олите шифером во французском стиле и поручили лучшим морисским мастерам украшение залов. Один немецкий путешественник, посетивший в XV веке

Олите, писал позже, что еще никогда не видел никакой другой дворец "с таким количеством золотых комнат". Очевидно, он имеет ввиду обшивку деревянными панелями и кассетный потолок, когда говорит о "позолоченном потолке", который создал "мудрый мусульманин".

Замки сооружали по примеру мусульман или под их прямым участием из обожженного кирпича красноватого цвета, хотя это не такой стойкий материал, как базальт или гранит. Самый великолепный пример замка в мудеярском стиле представляет без сомнения замковый комплекс Кока в Сеговии, сооруженный в XV-м веке. Его отличает прямоугольная горизонтальная композиция и стены из красноватого обожженного кирпича. Многогранная форма башен и башенок придает всему монументу оригинальность.

Во второй половине XIV, а больше всего в XV и XVI веке, начинается активизация замкостроения. Новые укрепленные замковые комплексы были созданы, например, в Старой и Новой Кастилии. Несмотря на то, что давняя мусульманская угроза была отодвинута до королевства Гранада, и мусульмане к тому же искали мира с христианами, у аристократии Иберийского полуострова нашлись новые мотивы для строительства замков. Прежде всего, знать хотела выставить на показ свое богатство, чтобы тем самым достичь еще большей власти и могущества в стране и при королевском дворе. Это было в период правления слабых королей из рода Трастамара. Многие дворяне считали спорным их королевский титул, отчего правители пытались управлять с помощью своих доверенных лиц. В результате, целью каждого феодала было свергнуть наместника короля или по возможности заменить его.

Постоянным явлением в период Средневековья и раннего Возрождения было наличие двух противоположных партий, состоявших из тех, кто присягал на верность королю или его наместнику, чтобы заручиться его милостью, и мятежников, которые затевали заговоры, чтобы его свергнуть. При этом они легко преступали вассальную верность. Поэтому каждый владелец замка, должен был защитить себя в своем укреплении и не позволить подвергнуть себя неожиданной атаке и взятию крепости. Замки играли существенную роль в гражданских войнах, которые вносили раскол в среду дворян и создавали беспокойную ситуацию в стране.

Постоянным конфликтам способствовало и то обстоятельство, что владельцы замков любили войну, свое оружие, своего коня. Это было их призванием и идеалом, которому они служили. Войну и все, что с ней связано, считали благородным делом, которое приносило им честь, и которому они отдавали жизнь. Немаловажным фактором было и то, что успешная война была средством, приносящая богатство и власть. Поэтому, помимо ведения административной и хозяйственной деятельности в своем замке, любой рыцарь и в мирное время готовился к войне. Что касалось женщины, то она должна была выполнять в замке точно определенные хозяйственные функции. Трубадур Арципресте де Хита считал ту женщину совершенством, "которая вела бы себя в постели как сумасшедшая, а в доме была бы в здравом уме". Предпочитаемыми видами спорта для феодала в повседневной жизни были военные игры – турниры. После них на первом месте находилась охота, которая проходила ежедневно в обширных лесах. Встреча с дикими зверями была прекрасным упражнением и тренировкой сражений в

возможной войне. В замках были псаря и сокольничие, которые обучали искусству охоты. Помимо этого королевские наместники следили за участием феодалов в совместных охотах. В королевских замках праздновались праздники, во время которых знать должна была показать свое танцевальное искусство, а также продемонстрировать свою щедрость. При этих маленьких дворах часто были трубадуры и фокусники. Но физическая закалка рыцарей была преимущественнее всех других занятий. Таким образом, вышеприведенные ссылки на рассказы о жизни в замках свидетельствуют, что жизнь в них отнюдь не вела к одичанию их обитателей. Совсем наоборот, эпоха Средневековья и Возрождения несет отпечаток утонченной духовности в религиозном чувстве и в человеческих отношениях. Куртуазная любовь была запечатлена в литературе, особенно в лирике: рыцари, которые храбро бились, были искусны и в литературном творчестве, создавая вдохновенные любовные истории и поэмы. Примерами этого могут служить венгерский магнат Балинт Балаши, писавший любовные поэмы в укрепленном замке Болдогкеваралья в середине XVI в., дон Хуан Мануэль, который сочинял свою очаровательную прозу в замке Пенафиел. Маркиз де Сантильяна слагал свои знаменитые народные песни (*Serranillas*) в замке Мансанарес. Нельзя умолчать и о короле Кастилии Альфонсе X Мудром, которому его военные походы не мешали писать книги о праве, науке и играх. Кроме того, он создал необычное собрание музыкальных и лирических композиций (*Cantigas de Santa Maria*).

Судьба старых средневековых замков в разных регионах Европы была различна. Во Франции большая часть аристократии осталась жить в своих имениях и обновляла свои укрепленные жилища, начиная с раннего Ренессанса до времен

революции, а многие вплоть до XIX в. Они занимались в основном содержанием своей главной и наиболее величественной башни и других старых частей замка, например, дворцовой постройки, которые должны были подтверждать древность и знатность их семейного рода. В странах Пиренейского полуострова, напротив, мало кто из дворянства остался в своих родовых имениях, так как почти вся знать со времен католических королей переселилась ко двору. В результате большинство замковых построек были заброшены и служили жителям близлежащих деревень каменоломнями. Помимо этого, многие владельцы отказались от своих имений, поскольку замки несли им одни расходы. Некоторые дворянские фамилии все же сохранили до сегодняшнего времени укрепленные жилища своих предков в относительно достойном состоянии. Другие, наоборот, использовали их в качестве крестьянских домов, в которых жили управляющие и земельные арендаторы, оберегавшие замки от упадка и разрушения. Больше внимания, например, стало уделяться пиренейским замкам с выходом правительственного Декрета от 22 апреля 1949 года, в котором замковые комплексы объявлялись историческими памятниками национального значения и передавались под охрану государства. В результате многие замки были спасены от разрушения и восстановлены. Подобные законодательные мероприятия по сохранению замков как историко-культурного наследия были проведены после второй мировой войны и в других европейских странах.

История укреплений развивалась параллельно с историей развития оружия. По мере того, как наступательные средства становились все более изощренней, принимались меры и по совершенствованию системы защиты. Самым

действенным способом штурма замковых комплексов в период Возрождения становится мина, закладываемая в подземную шахту таким образом, чтобы во время взрыва появился пролом во внешней ограде, или защитные стены были бы разрушены совсем. Такой пролом в защитной стене и применение боевых вышек для атаки стен и башен обеспечивал неприятелю возможность быстрого захвата замка в результате штурма. Возможность таких действий напрямую обусловило строительство новых замковых построек на скальных возвышенностях, каменные основы и высота которых резко снижали возможность эффективного применения штурмовых средств. В течение XV века совершенствуется применение артиллерии против укрепленных замков, что быстро привело к изменению внешнего вида крепостей. Так первоначально отделенные друг от друга зубцы башен и стен к началу XVII в. становятся сплошным связанным бруствером и сохраняют при этом выпуклую верхнюю поверхность, чтобы снаряды легче от них отскакивали. В стенах делаются бойницы среднего и нижнего боя, в которых размещаются орудия. Кроме этого, строители отказываются от того, чтобы очертания замков выделялись на фоне ландшафта и переходят к тому, чтобы опустить здание в землю, и чтобы таким образом уязвимые поверхности стен были незначительно подвергнуты разрушениям в ходе обстрелов. В целом же можно сказать, что появление огнестрельного оружия изменило ситуацию в европейском замкостроении. Небольшие замки потеряли свой статус охранителей окружающей территории. С другой стороны, как укрепленные жилища, они были способны веками играть роль защиты против банд грабителей и разбойников, пусть даже они имели в своем распоряжении совсем немного огнестрельного оружия. Ситуация разительно меняется в период гуситских войн и

особенно в период постоянной агрессии турок-осман, желавших не только захватить и разграбить, но и удержать регионы Центральной Европы (XV-XVII вв.). Именно в этот период времени начинается модернизация замковых комплексов с учетом активного использования артиллерии и подкопов с применением пороховых погребов для разрушения защитных стен замковых укреплений. Большинство не только крупных, но и небольших замковых построек в этот период времени служили для активного противодействия территориальным захватам и усиливаются с этой целью гарнизонами, активно перестраиваются и субсидируются из королевской казны или городскими магистратами. Они являются защитными центрами, особенно в пограничных районах, и предназначены для удержания этих районов. Одновременно замки служат плацдармами для нападения на сопредельные вражеские земли. С этой целью проводится полномасштабная реконструкция старых и сооружение новых современных замков, уже предназначенных для активной обороны с применением артиллерии. Эти укрепленные феодальные резиденции усиливаются многочисленным гарнизоном, что повышает их обороноспособность.

В результате появляются различные внешние линии защиты вокруг старых замковых акрополей, что вносит большое разнообразие в структуру замков, делая их не похожими друг на друга.

Говоря об основных структурах европейских оборонных замков, необходимо упомянуть работы французского исследователя П.Лаведана, который считает, что развитие европейского замкостроения происходит во многом под влиянием развития осадной техники. При всей правильности подобного утверждения, необходимо отметить, что все основные оборонные новшества касались в первую очередь замков, расположенных в важных военно-стратегических местах и принадлежащих в основном крупной феодальной знати. Примером может

служить замок Гайярд, основанный Ричардом Львиное Сердце и являющийся ключом ко всей Нижней Нормандии. В целом же европейское замкостроение было достаточно консервативно, впитывая лишь отдельные новые элементы в обороне замков. На него напрямую оказывали влияние местные традиции, при этом следует учитывать и небольшие материальные возможности мелких и средних феодалов, которым строительство модернизированных замков было часто не по карману. Кроме этого, население подобных комплексов было весьма немногочисленным и редко когда достигало десяти человек, включая службу и замковую стражу. Примером этому могут служить прямоугольные, небольшие по размерам башнеобразные укрепленные постройки (производные от донжонов) в Чехии и Моравии, строившиеся в XIV-XVI веках, в Словакии в XV- первой половине XVII в., в Польше в XV- начале XVII вв., в Венгрии в ряде мест, не оккупированных турецкими войсками в XVI в.. Несмотря на более приспособленную к обороне круглую форму, малые донжоны создавались везде исключительно прямоугольными, что указывает на влияние местной специфики на их формообразование, без учета их обороноспособности и неприступности. Поэтому, если следовать утверждению французского исследователя, то возникает представление, что все замковые комплексы постоянно усовершенствовались в соответствии с новыми разработками в осадной доктрине. Это предположение опровергается большинством европейских замков Средневековья, призванных больше служить для кратковременной осады соседями - феодалами или восставшими крестьянами и относится больше к периоду Возрождения, напрямую связанному с широким применением огнестрельного оружия в ходе гуситских войн в Центральной Европе, а чуть позже в XVI-XVII вв. постоянной военной угрозой со стороны Османской империи, угрожавшей территориальными захватами. При этом следует учитывать и местные строительно-художественные стереотипы при сооружении замков, которые могли слабо способствовать защите последних.

Таким образом, в конце XIV - начале XVII веков в основном сложились структуры оборонных замков в регионах Центральной и Западной части Восточной Европы. Характерная для башен донжонов, она включала в себя комплекс жилых, хозяйственных и культовых помещений, заключенных в единое укрепленное сооружение - башню. Переходная или смешанная схема замковых комплексов несла в себе объединенную композицию, представленную старым башнеобразным строением и новым планировочным решением кастеллом. Структура кастелла

представляла, в отличие от донжона, сумму аналогичных помещений, но уже в большем количестве, расположенных по периметру двора, укрепленного наружными стенами с угловыми, часто жилыми башнями. Собственно кастельная планировка замка возникает чуть позже в середине XIII в. и является доминирующей практически во всех регионах Европы, распадаясь на французский и северо-итальянский строительные варианты.

В немецком башенно - дворцовом архетипе структура замка, в свою очередь, представляла основные жилые, хозяйственные и культовые помещения, расположенные в зависимости от своей значимости в замкнутом, часто не регулярном укрепленном дворце с внутренним двориком. Башня и стены при этом обычно выполняли дополнительную защиту такого дворца. С учетом сечения главной башни на округлую и прямоугольную, немецкий замковый вид можно разделить на Южно-немецкий или Придунайско-бургундский, представленный характерной прямоугольной башней и Северо-немецкий или Саксонско-гессенский с округлой.

В результате в Европе складывается оборонный замок - замкнутый жилой комплекс, способный существовать автономно достаточно длительное время в условиях осады.

Таким образом, в этот период завершается формирование и последующая эволюция военно-архитектурного сооружения - замка, основные черты которого просуществуют без существенных изменений до начала XVII века (в некоторых районах современной Западной Украины - вплоть до 30-40 гг. XVII века).
